

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

M35
1900

STANFORD
LIBRARIES

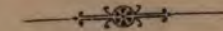
М. М. Марголинъ.

Сало Баронъ
ОСНОВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ

ВЪ

ИСТОРИИ

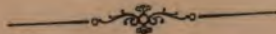
ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА.

Э Т Ю Д Ъ

п о

ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Обверная Скоропечатня Невскій просп. № 82.

1900.

DS115.5

M35

1900

PGI
STAN
LIBR.

М. М. Марголинъ.

Сало Барн

ОСНОВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ

ВЪ

ИСТОРІИ

ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА.

Э Т Ю Д Ъ

И О

ФИЛОСОФІИ ИСТОРІИ ЕВРЕЕВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Съверная Скоропечатня Невскій просп. № 82.

1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Января 1900 г.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

*The Taube-Baron Collection
of Jewish History and Culture*

*Given in memory of Dr. Zygmunt S. Taube
and Lola Popper Taube*

I. *)

Еврейскій народъ, появившись на исторической аренѣ около 3000 лѣтъ тому назадъ, съ тѣхъ поръ не покидаетъ ее. Трехтысячелѣтній періодъ этотъ представляетъ собою въ тоже время рамки всемірной исторіи, въ которыя укладывается совокупность всего того, что дала міру жизнь и дѣятельность т. наз. культурныхъ народовъ. Исторія евреевъ тѣсно переплетена со всеми фазисами всемірной исторіи: на глазахъ еврейскаго народа возникали и распадались могущественныя государства, появлялись и исчезали сильные народы, расцвѣтали и разлагались сложныя умственныя культуры и социальныя системы. Мало того во всѣхъ перипетіяхъ всемірной исторіи еврейскій народъ принималъ дѣятельное, а иногда и руководящее участіе. Неудивительно, если еврейская историческая наука встрѣчаетъ на своемъ пути такія чрезвычайныя трудности, такія сложныя проблемы, какія, можетъ быть, не имѣютъ мѣста въ исторіи многихъ другихъ народовъ. Не смотря на то, что историографія возникла у евреевъ въ весьма раннюю эпоху, и что историки еврейскаго народа обладаютъ въ историческихъ библейскихъ книгахъ такими источниками древняго періода еврейской исторіи, которые по всей точности фактическаго матеріала не имѣютъ себѣ равныхъ въ древней исторической литературѣ**),—еврейская историческая наука развивалась крайне медленно

*) Докладъ, читанный 8 декаб. 1899 г. въ засѣданіи Историко-Этнографической Коммиссіи Общ. р. пр. м. е. въ Р., печатается здѣсь въ значительно дополненномъ видѣ.

**) Niebuhr, „Gesch. Assurs und Babels“, стр. 5 (цит. по Грецу).

и по настоящее время не стоит на должной высотѣ. Причины этого прискорбнаго явленія, помимо указанной сложности исторіи еврейскаго народа, кроются въ нѣкоторыхъ особенностяхъ этой исторіи и главнѣйшихъ ея источниковъ.

На этихъ особенностяхъ намъ слѣдуетъ здѣсь остановиться нѣсколько подробнѣе. Первая особенность заключается въ распаденіи исторіи евреевъ на два періода, рѣзко отличающихся другъ отъ друга всею совокупностью жизненныхъ условій народа; я разумѣю: періодъ палестинскій и періодъ разсѣянія или голуса (изгнанія). На первый взглядъ несходство этихъ двухъ періодовъ распространяется не только на внѣшнюю обстановку народной жизни, но и на сущность историческаго процесса, составляющаго содержаніе каждаго изъ этихъ періодовъ. Казалось, катастрофой, выбившей еврейскій народъ изъ политической колеи перваго періода и повернувшей русло его исторической жизни по совершенно другому направленію, порвана и прагматическая преемственность между обоими періодами; между жизнью народа, взятой во всей ея полнотѣ и заключающей въ себѣ всѣ формы быта матеріальнаго, общественнаго и духовнаго въ одномъ періодѣ, и жизнью народа въ другомъ періодѣ, казалось, нѣтъ полной всеобъемлющей внутренней связи, а существуетъ лишь, если можно такъ выразиться, литературная преемственность. Казалось, что съ палестинскимъ періодомъ народъ связываетъ лишь память о томъ, что въ эту эпоху были созданы письменные источники его религіозныхъ вѣрованій, и что страна, которая въ весьма отдаленную отъ нашего времени эпоху служила ареной еврейскаго религіознаго творчества, дорога еврейскому народу лишь немногимъ въ большой мѣрѣ, чѣмъ въ какой она священна и для христіанскихъ народовъ, источники вѣроученія которыхъ также связаны съ этой страной.

Эта видимая раздвоенность еврейской исторіи и связанная съ нею возрѣнія въ еврейской исторической

наукѣ привели между прочимъ, во 1-хъ, къ крайней неравномѣрности въ изученіи того и другого періода: многіе историки особенно внимательно останавливаются на изученіи *перваго* періода и совершенно игнорируютъ второй періодъ; въ 2-хъ, къ различію того, что должно составлять содержаніе того и другого періода: во многихъ трудахъ, посвященныхъ *второму* періоду еврейская исторія принимаетъ характеръ исторіи литературы или исторіи религіознаго ученія, а не исторіи народа; въ 3-хъ, къ невозможности созданія цѣлостной историко-философской системы, въ которой основныя начала еврейскаго историческаго процесса обнимали бы жизнь народа во *всѣ* періоды его существованія.

Вторая особенность исторіи евреевъ, служившая также огромной помѣхой въ развитіи еврейской исторической науки, заключается въ томъ, что главные источники палестинскаго періода исторіи евреевъ являются въ тоже время священными книгами для всего христіанскаго міра, за коими признается богооткровенное происхожденіе. Раньше, чѣмъ научная историческая критика коснулась этихъ книгъ, надъ ихъ изученіемъ и комментированіемъ работали сотни богослововъ всѣхъ вѣроисповѣдныхъ толковъ. Эта многовѣковая колоссальная дѣятельность библейскихъ экзегетовъ и комментаторовъ наложила неизгладимую печать и на историческіе труды, проникнутые наиболѣе свободомыслящей критикой. На затрудненія, вытекающія отсюда для еврейской исторической науки, указываетъ и Грець во введеніи къ I тому своей „Исторіи“; тѣмъ не менѣе, какъ мы увидимъ изъ послѣдующаго изложенія, и онъ не свободенъ отъ богословской тенденціи, которая, прочно вѣдрившись въ умахъ изслѣдователей первоисточниковъ еврейской исторіи, трансформировалась затѣмъ въ видъ разнообразныхъ системъ философіи еврейской исторіи. Сюда относятся, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, и теорія особой провиденціальной миссіи еврей-

скаго народа, и теорія „духовно-исторической націи“ и друг.

Подъ вліяніемъ богословской тенденціи, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ теорій, въ большей части трудовъ по исторіи евреевъ на первый планъ выдвигается исторія еврейства, какъ религіозной системы, а жизнь самого народа во всей ея полнотѣ ступшевыается, и вообще еврейскій историческій процессъ получаетъ одностороннее освѣщеніе.

Значеніе подавляющаго вліянія богословской литературы на развитіе еврейской исторической науки не было оцѣнено въ достаточной степени съ точки зрѣнія тѣхъ требованій, которыя предъявляются къ современной исторической наукѣ въ смыслѣ безпристрастнаго, всесторонняго изслѣдованія народной жизни и выясненія внутреннихъ отношеній между отдѣльными историческими фактами на основаніи законовъ психологической и соціальной эволюціи. Еврейская исторія въ значительной степени остается еще до сихъ поръ на той ступени развитія, когда исторія являлась лишь прислужницей богословія или морали и ставила себѣ цѣлью лишь подтвержденіе примѣрами изъ прошлаго тѣхъ или другихъ догматическихъ положеній, а не объективное изслѣдованіе прошлаго народа во всей его полнотѣ.

Богословская система идей, въ большей или меньшей степени лежащая въ основѣ всѣхъ трудовъ по исторіи евреевъ, можетъ быть резюмирована въ слѣдующихъ положеніяхъ: еврейскій народъ представляетъ собою нѣчто совершенно исключительное во всемірной исторіи; это, по мнѣнію однихъ, единый богоизбранный народъ, по мнѣнію другихъ, это—по своей исключительной духовной воспримчивости и одаренности — племя-уникумъ среди всѣхъ племенъ земли, племя, у котораго религіозная жизнь во все времена отодвигала на задній планъ соціально-политическіе интересы, которыми живутъ все народы. Какъ жилъ самъ народъ въ продолженіи 1000 лѣтъ въ Палестинѣ, изъ какихъ

элементовъ слагался его матеріальный бытъ, экономическая культура, гражданскій и политическій строй, нравы, обычаи, міръ искусства—на всѣ эти вопросы мы въ трудахъ по исторіи евреевъ находимъ недостаточныя указанія, и во всякомъ случаѣ всѣмъ этимъ сторонамъ народной жизни отводится второстепенное мѣсто. Все вниманіе изслѣдователей и историковъ направлено на процессъ развитія религіозной мысли въ народѣ и на ея представителей въ лицѣ пророковъ и другихъ руководителей духовной жизни народа. Получается такая историческая перспектива, будто кромѣ дѣятельности пророковъ ничего существенно важнаго въ древнемъ періодѣ исторіи евреевъ не было; какъ будто-бы религіозное творчество пророковъ представляло собою замкнутый кругъ и не было продуктомъ всей совокупности социальнo-культурныхъ условій жизни народа.

Было время, когда историческая наука въ Европѣ стояла такъ низко, что все содержаніе ея исчерпывалось такъ называемой политической стороной жизни государствъ, и историческіе труды заключали въ себѣ лишь описаніе военныхъ походовъ и дипломатическихъ сношеній; всѣ другія стороны народной жизни отсутствовали въ этихъ трудахъ. Въ методическомъ отношеніи одностороннее увлеченіе религіозной стороной древняго періода еврейской исторіи столь-же ошибочно, какъ ступешевываніе другихъ сторонъ народной жизни въ узко-политической исторіи. Исторія народа, несущаго на себѣ бремя созиданія своего матеріальнаго быта, вынужденнаго съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою политическую и общественную организацію отъ вѣшнихъ посягательствъ, призваннаго созидать нормы отношеній между отдѣльными лицами, призваннаго творить выраженія для своихъ религіозныхъ и эстетическихъ настроеній, словомъ, исторія народа, живущаго всей полнотой жизни, не можетъ быть исчерпана ни описаніемъ военно-дипломатическихъ дѣяній, ни изображеніемъ движенія лишь религіозной мысли.

Третья особенность исторіи евреевъ или вѣрнѣе ея источниковъ, еще болѣе усиливающая подчиненность еврейской исторической науки богословскому вліянію, заключается въ томъ, что первоисточники еврейской исторіи древняго періода—библейскія книги—большею частью ведутъ свое происхожденіе отъ самихъ пророковъ и, во всякомъ случаѣ, редактированы представителями религіозной жизни. Неудивительно, что въ этихъ книгахъ свѣтской жизни народа отводится лишь столько мѣста, сколько это необходимо для сохраненія лѣтописной связи событій, и что всѣ событія изображаются въ одностороннемъ богословскомъ освѣщеніи: всѣ бѣдствія народа связываются съ нарушеніемъ религіозныхъ постановленій, хотя бы между первыми и послѣдними не усматривалось причинной связи, напр. поражение Саула приписывается его милосердному, вопреки запрету пророка, обращенію съ покореннымъ народомъ*), само возникновеніе царской власти подвергается осужденію**) и т. д. Богословская идея проводится строго послѣдовательно въ мельчайшихъ деталяхъ во всѣхъ библейскихъ историческихъ книгахъ и въ цѣломъ образуетъ стройную историко-философскую систему, оказавшую могущественное вліяніе на ходъ историческаго мышленія европейскихъ ученыхъ въ этой области.

Тѣмъ не менѣе въ самихъ библейскихъ книгахъ разсѣяна масса данныхъ по общекультурной и соціальной жизни еврейскаго народа. Изъ этихъ данныхъ и новѣйшихъ открытій по исторіи культуры сосѣднихъ съ евреями народовъ (египтянъ, ассиро-вавилонянъ, персовъ и др.) возможно съ помощью сравнительнаго историческаго метода возсоздать хотя отчасти мозаичную картину тысячелѣтней жизни еврейскаго народа въ Палестинѣ. Въ новѣйшихъ трудахъ по исторіи еврейскаго народа за

*) Перв. кн. Царствъ XXVIII, 18.

**) ib. IX, 6—18.

этотъ періодъ уже сдѣлано кое-что въ этомъ направленіи, но для полнаго успѣха такой работы необходимо вполне отрѣшиться отъ слѣдовъ богословскаго вліянія, произвести, такъ сказать, полную секуляризацию исторіи евреевъ, приступить къ изученію этой исторіи безъ предвзятыхъ взглядовъ о духовной исключительности или избранности еврейскаго народа. Лишь при условіи такого всесторонняго и объективнаго изслѣдованія могутъ быть раскрыты основныя начала еврейскаго историческаго процесса и законы эволюціи еврейской мысли, возвысившейся до пророческихъ этическихъ идеаловъ.

II.

Въ настоящее время, однако, возможно уже установить нѣсколько положеній, опредѣляющихъ основныя черты палестинскаго періода еврейской исторіи.

Во 1-хъ, еврейскій народъ въ эпоху своего появленія на исторической аренѣ мало чѣмъ отличается отъ сосѣднихъ племенъ. Завоеваніе себѣ территоріи—Палестины—ни чѣмъ не разнится отъ другихъ подобныхъ завоеваній. Покореніе народовъ, населявшихъ Палестину, сопровождается безпощаднымъ ихъ истребленіемъ. Матеріальный бытъ евреевъ въ первые вѣка поселенія въ Палестинѣ стоитъ на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ у сосѣднихъ народовъ, среди которыхъ кочевники-евреи застаютъ большіе укрѣпленные города и значительно развитую земледѣльческую культуру *). Эпоха заселенія евреями Палестины и совпадаетъ съ переходомъ ихъ отъ кочевого, пастушескаго быта къ осѣдлому и земледѣльческому. Шатры дѣтей пустыни—Бне-Израиль—замѣняются постоянными жилищами въ сельскихъ и городскихъ поселеніяхъ. Въ области нравовъ и правовыхъ понятій евреи стоятъ также не выше сосѣдей. Повѣ-

*) Числа, XIII, 27—28.

ствованія „Книги судей“ о нравственной распущенности еврейскаго населенія въ эту раннюю эпоху являются вполне достовѣрнымъ, безпристрастнымъ свидѣтельствомъ о состояннн этической культуры евреевъ того времени. Кровавая месть, членовредительскія уголовныя наказанія, истребительныя войны между родами и колѣнами одного и того же народа—таковы показатели низкаго уровня соціального строя въ Палестинѣ въ первые 3—4 вѣка ея заселенія евреями. Въ религіозномъ отношенн евреи также недалеко ушли отъ другихъ народовъ: Иегова первоначально такой же жестокой богъ, упивающійся запахомъ кровавыхъ жертвъ, какъ конкурирующій съ нимъ Вааль финикіянецъ. Таковы черты исходнаго момента еврейской исторн.

Во 2-хъ, *весь циклъ развитія соціально-политической и религіозно-этической культуры еврейскаго народа совершается въ теченн 1000 лѣтъ на палестинской почвѣ и связанъ съ жизнью народа въ этой странѣ. Во весь же послѣдующій, какъ мы увидимъ, періодъ исторн, евреи уже не создаютъ никакихъ новыхъ элементовъ національной культуры, а вращаются исключительно въ предѣлахъ старой системы, подвергая ее лишь внѣшнимъ измѣненіямъ въ прогрессивномъ или реакціонномъ духѣ.*

Что страна со всѣми ея топографическими, климатическими, почвенными и другими особенностями оказала могущественное вліяніе на направленн и характеръ умственной дѣятельности народа, жившаго въ ней въ теченн 1000 лѣтъ полной исторической жизнью,—это не только подтверждается всѣми изслѣдователями этой страны, но и чувствуется всякимъ, кому и нынѣ придется испытывать на себѣ дѣйствіе ея своеобразной природы: контрастовъ мрачнаго побережья Мертваго моря и цвѣтущей Саронской долины, дыханія раскаленной пустыни съ юга и освѣжающаго морскаго вѣтра съ запада, удушливой, тропической Иорданской долины и ослѣпительныхъ снѣговыхъ вершинъ Хермона и Ливана.

Вся эта калейдоскопическая картина горных ландшафтов собрана на одной небольшой полосѣ земли и въ чарующемъ своей прозрачностью воздухѣ раскрывается зрителю съ Масличной горы на Иудейскомъ плато во всемъ разнообразіи и блескѣ своихъ красокъ и тоновъ.

Въ этой маленькой странѣ, изрѣзанной вдоль и поперекъ горами, освѣщенной ослѣпительно-яркимъ солнцемъ, въ которой привѣтливныя долины чередуются съ голыми и угрюмыми скалами и дикими ущельями, гдѣ цвѣтущіе виноградники и обработанныя поля смѣняются печальными дюнами и выжженными холмами,— на этой узкой прибрежной полосѣ неутомимо на протяжении многихъ вѣковъ трудится еврейскій народъ. Всякая пядь земли, которую можно отстоять у пустыни, обрабатывается и превращается въ цвѣтущій садъ. На обнаженныхъ скалахъ высѣкаются террасы и насаждаются великолѣпные виноградники; остатки этихъ террасъ можно видѣть и *нынѣ* въ Иудейскихъ горахъ. Одновременно съ земледѣльческой культурой развиваются и другія отрасли промышленности. Постройка храма и дворца, проведеніе и мощеніе большихъ дорогъ *) при Соломонѣ свидѣтельствуютъ о значительныхъ успѣхахъ въ разныхъ областяхъ народнаго труда. Евреи не только вступаютъ въ торговныя сношенія съ финикійцами, египтянами, ассиро-вавилонянами и другими сосѣдними народами, но и снаряжаютъ въ бухтѣ Краснаго моря флотъ для торговли съ Индіей (Офирь) **). Ростъ матеріальной культуры идетъ параллельно съ увеличеніемъ густоты населенія, и въ цвѣтущее время эта маленькая страна кормитъ нѣсколько милліоновъ населенія. И лишь послѣ того какъ въ теченіи 3—4 вѣковъ народъ трудится надъ созиданіемъ своей матеріальной культуры и въ тоже время не перестаетъ воевать и отстаивать независимость своей страны, послѣ многихъ вѣковъ напряженной

*) Jos. Flavius, „Antiquit“, VIII, 7, 4.

***) Graetz, „Gesch. d. Juden“, s. 461, Note 18.

политической и социально-экономической работы становится возможным появление духовных руководителей народа в лицѣ пророковъ. Мы знаемъ, что пророкамъ предшествуетъ другой типъ (гое — прозорливецъ) духовныхъ вождей, ведущихъ свое начало отъ языческаго времени *). Пророческая проповѣдь также представляетъ цѣлую гамму, начавшуюся съ болѣе простыхъ моральныхъ воззрѣній первыхъ по времени ея представителей и возвысившуюся до всемірно-этическихъ идеаловъ послѣднихъ пророковъ.

Дѣятельность пророковъ прежде всего была направлена на упорядоченіе жреческаго культа, коренившагося въ сѣдой языческой старинѣ народной жизни. Въ эпоху Судей централизація культа еще не имѣетъ мѣста; жертвоприношенія приносятся на высотахъ въ различныхъ мѣстахъ разнымъ богамъ и кѣмъ угодно изъ народа. Первые пророки, какъ напр. Илья, ведутъ ожесточенную борьбу со жрецами иноплеменныхъ культовъ, напр. Ваала. Мало по малу жертвенный культъ начинаетъ ограничиваться двумя (на Сѣверѣ и Югѣ) мѣстами, а позже и однимъ пунктомъ и становится прерогативой определенной касты жрецовъ, левитовъ или ааронидовъ, вѣрныхъ служителей бога Іагве, покровителя племени Бне-Израиль. Значеніе корпораціи жрецовъ въ до-вавилонскую эпоху очень невелико. Въ это время храмовой культъ еще только нарождается, и лишь къ концу этого періода формы культа вѣроятно уже близки въ общихъ очертаніяхъ съ положеніями такъ назыв. священническаго кодекса (т. е. книги Левить), написаннаго въ началѣ послѣдвавилонскаго періода **). По мѣрѣ того какъ жреческій культъ Іеговы укрѣпляется и вытѣсняетъ иноплеменные культы, пророческая мысль развивается дальше и начинаетъ ратовать за очищеніе и одухотвореніе національнаго еврейскаго культа, становясь такимъ обра-

*) Первая кн. Царствъ, IX, 9.

**) Wellhausen, „Prolegomena zur Gesch. Israels“ (1895, passim).

зомъ въ оппозицію со жрецами-ааронидами, хранителями установившихся внѣшнихъ формъ и обрядовъ. Но во всякомъ случаѣ оба эти теченія народной жизни—развитіе жреческаго культа и пророческой проповѣди—находятся въ тѣсномъ взаимодействіи съ усложнившимися условіями соціального быта, который въ цѣломъ имѣетъ вполне политическій характеръ. Верховными распорядителями судьбой народа во второй половинѣ этого періода являются цари. Черезъ весь до-вавилонскій періодъ проходитъ процессъ амальгамированія и сліянія отдѣльныхъ этническихъ элементовъ населенія Палестины въ единый еврейскій народъ, процессъ, встрѣтившій особыя затрудненія въ розни между Сѣверомъ и Югомъ страны. Цари Іудеи, создавая національный центръ въ Іерусалимѣ, опираются въ этомъ отношеніи на пророковъ, создавшихъ легенду о первенствѣ предо всѣми династіями дома Давидова. Для поддержанія такой легенды въ народѣ надо было имѣть особыя общественныя заслуги, и въ дѣлѣ защиты національнаго единства цари и пророки расходятся лишь иногда во взглядахъ на средства, но въ общемъ идутъ къ той же цѣли.

Пора реабилитировать царей и политическихъ дѣятелей палестинскаго періода еврейской исторіи. Несмотря на видимую борьбу между послѣдними и духовными руководителями народа, появленіе и развитіе пророческой дѣятельности было бы немислимо безъ непрерывныхъ трудовъ царей и другихъ свѣтскихъ дѣятелей. Благодаря именно тому напряженію, съ коимъ еврейскій народъ отстаиваетъ въ этотъ періодъ своей исторіи независимость своей политической и общественной организаціи, благодаря тому, что силы и способности его всесторонне изощряются во всѣхъ областяхъ экономической и общественной дѣятельности, — народъ быстро растетъ матеріально, крѣпнеть духовно и можетъ рождать въ своей средѣ самоотверженныхъ борцовъ за этические и національно-политическіе идеалы.

III.

Когда военная катастрофа угнала еврейскій народъ съ родной земли въ Вавилонъ, національное сознание его было уже настолько ясно и твердо, что онъ ушелъ съ непоколебимою увѣренностью вернуться при первой возможности. Возвратившись въ Палестину, народъ принялся за восстановление своего матеріальнаго быта и социальной организаци, строя одною рукою храмъ, а другою держа мечъ для отраженія враговъ. Однако политическая катастрофа, оторвавшая народъ отъ родной земли и прервавшая на 50 лѣтъ нормальное развитие народной жизни, не могла не оказать вреднаго вліянія на прогрессивное развитие государственнаго строя.

Въ это время выдвигается на первый планъ жреческая партія, отгѣсняющая представителей политическаго и пророческаго направленія. Во главѣ реставраціи социального порядка становится жрецъ Эзра, положившій начало новому *іерократическому* строю въ Палестинѣ. Первосвященникъ становится не только главою жреческой корпораціи, но и свѣтскимъ и духовнымъ главою всего народа, обремененнаго теперь рядомъ тяжелыхъ сборовъ въ пользу жреческой корпораціи. Политическая зависимость Палестины отъ персидскаго наместника благоприятствуетъ этому порядку вещей. Усиленіе жреческой корпораціи въ лицѣ рода Садокидовъ, стремящихся замкнуть народную жизнь въ предѣлы обрядоваго священническаго кодекса, встрѣчаетъ нѣкоторый противовѣсъ въ интеллигентномъ слоѣ народа, такъ назыв. *sofrim*, книжныхъ людяхъ или писателяхъ, преемникахъ пророковъ. Пророческая проповѣдь, вслѣдствіе социально-политическаго оскудѣнія народной жизни, мало-по-малу замолкаетъ. Послѣдніе пророки—и въ ихъ числѣ Исаи II,—вдохновившіеся великими надеждами, вспыхнувшими яркимъ пламенемъ въ душѣ вернушагося въ

родину народа, пропѣли свою лебединую пѣсню. Въ твореніяхъ этихъ послѣднихъ пророковъ горизонты еврейской мысли расширились: новое еврейское государство, окрѣпнувъ въ своихъ національныхъ устояхъ, должно было стать во главѣ всемірнаго братскаго союза народовъ. Тогда-то въ душѣ народа и были заложены сѣмена возвышенной *мессіанской идеи*, которой суждено стать талисманомъ и палладіумомъ народа во всю его послѣдующую жизнь. Пока въ памяти народа были свѣжи преданія о быломъ величіи еврейскаго государства и о славѣ царей Давидова дома, еще раздавались вдохновенныя рѣчи о наступленіи времени, когда новый отпрыскъ Давидова дома введетъ болѣе справедливый социальный порядокъ, но эти народныя мечты далеко не соответствовали дѣйствительности.

Въ преемникахъ пророковъ, книжникахъ, творчество народной мысли понижаетъ свой тонъ: это уже не вдохновенные проповѣдники, а ученые люди, знатоки народившейся священной письменности и писатели, въ тоже время знатоки писаннаго и обычнаго права и, въ качествѣ судей, творцы этого права, законодатели и, наконецъ, они же учителя народа. Въ виду указанныхъ многосложныхъ функций, вліяніе книжныхъ людей на народную жизнь громадно и конкурируетъ со жреческимъ, держащимся больше въ силу принудительной власти. Въ эту эпоху правообразование находится, такъ сказать, еще въ текучемъ состояніи. Опираясь на сравнительно немногочисленныя положенія писаннаго закона, развивается система устнаго обычнаго права. Книжники съ одной стороны кладутъ начало системѣ свободной интерпретаціи писаннаго закона, а съ другой вводятъ рядъ новыхъ нормъ, не заключающихся въ писанномъ кодексѣ и извѣстныхъ впоследствии, какъ *halacha l'Mosche m'Sinai* или какъ *dibre sofrim*, т. е. постановленія, основанныя исключительно на авторитетѣ книжниковъ.

Система толковательныхъ пріемовъ, которую книжники распространили и на регламентацію жреческаго культа и храмовыхъ сборовъ, не могла не казаться опасной жрецамъ, стоявшимъ за буквальныйъ смыслъ закона. Отсюда происхожденіе двухъ типовъ галахи: жреческой или саддукейской, почти несохранившейся и п галахи книжниковъ, послужившей основой для фари-сейской и талмудической галахи. Если, въ силу уста-новившагося іерократическаго управленія и зависимости отъ персидской власти, государственная жизнь не могла подвигаться впередъ, то въ области общественной и моральной дѣятельность книжниковъ, продолжавшихъ развивать начала пророческихъ воззрѣній, дала благо-творные результаты.

Мало по малу послѣ многолѣтней внутренней борьбы грубыя представленія о Богѣ одухотворяются; народъ, охладѣваетъ къ жертвенному культу и замѣняетъ его молитвенными собраніями; членовредительскія наказанія и смертная казнь фактически отмѣняются; рабство исче-заетъ, и отношенія къ пришельцамъ и иностранцамъ проникаются гуманностью. Народное творчество, изсяк-шее въ пророческой проповѣди, продолжаетъ еще жить въ произведеніяхъ народной лирики—въ псалмахъ, со-зданіе которыхъ не прекращается вплоть до Маккавейской эпохи. Правда, до достиженія въ общественной органи-заціи идеаловъ, выставленныхъ пророками — равенства и братства всѣхъ людей, какъ дѣтей одного Бога, со-зданныхъ по подобію Божьему, любви, справедливости и вѣчнаго мира, какъ основъ человѣческаго общежитія, — до торжества этихъ идеаловъ было еще очень далеко, но къ началу Маккавейской эпохи былъ уже заложенъ фундаментъ національнаго зданія, которому скоро пред-стояло выдержать страшный натискъ врага, сильнаго иной культурой.

V.

За 150 слишкомъ лѣтъ до начала этой эпохи въ Запад-ной Азіи произошло событіе, которое, казалось, разъ навсегда должно было повернуть теченіе исторіи народовъ, жившихъ въ этой части свѣта, на совершенно новое русло. Законченная великая эллинская культура нашла геніальнаго полководца, взявшаго на себя задачу оплодотворить сѣменами греческой образованности пришедшія въ застои страны старой ассиро-вавилонской, иранской и египетской образованности. Александръ совершилъ свой побѣдоносный походъ, и широкимъ потокомъ разлилась эллинская жизнь по всѣмъ городамъ Востока, всюду сталкиваясь съ религіозно-соціальнымъ бытомъ восточныхъ народовъ. Результатомъ этого взаимодѣйствія двухъ міровъ явилась новая культура, въ которой восточные элементы переплетаются съ эллинскими, и которая высшаго расцвѣта достигаетъ въ Египтѣ въ Александрійской школѣ философовъ и ученыхъ. Здѣсь между прочимъ была сдѣлана въ трудахъ Филона попытка примирить начала мозаизма съ греческой философіей; попытка эта имѣла, однако, собственно апологетическій характеръ (т. е. Филонъ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду оправдать еврейское религіозное міровоззрѣніе предъ судомъ греческой философіи) и не могла имѣть значенія въ той средѣ, гдѣ сильны были устои еврейской національной жизни.

На первыхъ порахъ, казалось, побѣдоносный эллинизмъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія въ еврейскомъ обществѣ. Не смотря на коренныя противорѣчія между возвышеннымъ этическимъ еврейскимъ вѣроученіемъ и эллинскимъ міровоззрѣніемъ, въ силу котораго высшимъ закономъ являлось понятіе о красотѣ, а цѣлью жизни—умственные и чувственные наслажденія, еврейская религіозная дисциплина не являлась достаточной

преградой для распространения греческих форм жизни. За предѣлами Палестины, напр. въ Египтѣ, евреи, не отрекаясь формально отъ еврейскаго вѣроученія, были охвачены ассимиляціоннымъ потокомъ. И въ самой Палестинѣ принадлежность къ еврейскому культу и исповѣданіе основъ еврейской религіи не спасло отъ увлеченія эллинизмомъ высшіе классы еврейскаго народа, тѣ классы, гдѣ сытая и праздная жизнь ослабила сознание связи съ народнымъ организмомъ. Но чѣмъ глубже проникала эллинизация въ состоятельные классы, тѣмъ сильнѣе противъ нея выросталъ протестъ въ нѣдрахъ народа, гдѣ послѣ 800-лѣтней жизни на родной землѣ сознание неприкосновенности устоевъ своей національной жизни образовало непоколебимый противъ иноземныхъ посягательствъ оплотъ. Народъ выдержалъ непримѣрную борьбу за свою духовную и общественную свободу и вышелъ побѣдителемъ.

Какія же были послѣдствія побѣды Маккавеевъ?

Въ смыслѣ матеріальной культуры 20-ти лѣтняя борьба съ могущественнымъ врагомъ обошлась очень дорого. Численность народа, особенно вслѣдствіе усилившейся съ этихъ поръ эмиграціи *), его экономическое благосостояніе понесли чувствительный ущербъ. Крайнее обѣдненіе народа, слабая надежда, переходившая въ отчаяніе, вернуть свое благосостояніе побуждаютъ людей уходить въ пустыню и устраивать тамъ монашескія общины. Таково происхожденіе секты ессеевъ, знаменующее крайній упадокъ народнаго духа, прежде проникнутаго жизненнымъ и трезвымъ ученіемъ Моисея, повелѣвавшаго созидать жизнь, потомство, благословлявшаго трудящихся на землѣ для личнаго счастья **). Возможно, что при болѣе спокойныхъ политическихъ обстоятельствахъ народъ оправился-бы матеріально и возстановилъ бы свою духовную мощь. Но этому не

*) Schürer, „Gesch. d. jüd. Volkes“, II, стр. 494 и сл.

**) Второзаконіе, XXX, 20.

суждено было сбыться. И вотъ въ народѣ возникаетъ и растетъ чрезвычайно тревожное душевное настроеніе, создавшее почву для весьма опасной и односторонней умственной дѣятельности учителей народа, прежнихъ книжниковъ, теперь извѣстныхъ подъ именемъ хасидеевъ и фарисеевъ.

Въ общественной жизни нерѣдко замѣчается, что благодѣтельное дѣйствіе идеи ослабѣваетъ и часто даже извращается послѣ торжества этой идеи. Подъемъ духа, потребовавшій огромной затраты силъ для народной самообороны, какъ-бы временно истощаетъ еврейскій народъ. Народное оскудѣніе отражается на учителяхъ народа, фарисеяхъ. Кругозоръ ихъ постепенно суживается; духовные интересы мельчаютъ. Спасеніе отъ вторженія иноземной культуры усматривается не въ поддержаніи національнаго самосознанія, не въ упроченіи политической организаціи, а въ огражденіи и замыканіи народной жизни сѣтью ритуальныхъ запретовъ. Увлекаясь борьбой съ еще опасными и привлекательными формами греческой жизни, фарисеи, поставивъ идеаломъ жизни соблюденіе физической и душевной чистоты, начинаютъ все болѣе и болѣе уклоняться отъ здоровыхъ соціальныхъ основъ еврейской народной жизни. Матеріальная жизнь слишкомъ низменна, она безпрестанно грязнитъ слабый человѣчскій духъ; нужно ежеминутно помнить, что міръ полонъ нечистоты и, по возможности, сторониться матеріальной жизни. Отсюда и названіе фарисеевъ — людей отдѣлившихся отъ общества и ушедшихъ всецѣло въ изученіе священныхъ книгъ. Неудивительно, что на первыхъ порахъ эти антисоціальныя идеи фарисеевъ не могли внушить симпатіи народу. Въ талмудической письменности сохранились слѣды, свидѣтельствующіе о неприязненныхъ отношеніяхъ народа къ фарисеямъ (напр. сказаніе о семи типахъ фарисеевъ) и презрительномъ отношеніи фарисеевъ къ амгоарацимъ, т. е. къ народу. Эти талмудическія сказанія—переживанія того времени,

когда еще нетронутый здравый смысл народа чуялъ въ фарисеевъ опаснаго антигосударственника и суроваго схоластика. Фарисеи держатся внѣ политической жизни, не сплачиваются вокругъ новой Хасмонейской династїи, которая ищетъ и находитъ себѣ опору въ недавнихъ врагахъ народа—саддукеяхъ, старой аристократической жреческой партїи, примиряющейся съ новымъ положеніемъ вещей.

Итакъ, стоившая такъ дорого народу побѣда не принесла ему ничего, кромѣ тяжкихъ разочарованій. Хасмоней, окруженные ненавистной народу саддукейской партїей, нравственно выродились. Краткое 7-лѣтнее господство фарисеевъ при царицѣ Александрѣ не могло оказать замѣтнаго вліянія на ходъ событій даже и въ томъ случаѣ, если бы фарисеи по своему соціальному и политическому кругозору оказались на высотѣ положенія.

По мѣрѣ того какъ атмосфера, среди которой жилъ народъ, становится удушливѣй, начинаетъ возрождаться и укрѣпляться имѣвшая глубокіе корни въ старыхъ пророческихъ книгахъ и ставшая затѣмъ *центральной идеей еврейства*, такъ наз. *мессіанская идея*. Находясь въ безысходной матеріальной и нравственной нуждѣ, народъ ищетъ утѣшеніе и опору въ вѣрѣ въ явленіе отпрыска Давидова дома, который введетъ новый справедливый порядокъ и возстановитъ старое національное величіе народа. Мессіанская идея, развиваясь, принимаетъ все болѣе причудливыя формы въ народномъ воображеніи. Здѣсь, однако, нельзя не отмѣтить, что, во время пребыванія народа на родной землѣ, мессіанство еще не имѣетъ позднѣйшаго мистическаго характера и не устраняетъ мысли о политической самодѣятельности народа.

Когда на Палестину собиралась обрушиться новая гроза въ лицѣ Рима, отношеніе къ этому событію народныхъ фракцій выражаетъ ихъ соціально-политическое міровоззрѣніе. Въ то время когда народная партія напрягаетъ всѣ усилія, чтобы оказать сопротивленіе

врагу, фарисеи выказывают полное равнодушіе къ дѣлу національной независимости. Если zealотамъ должно отказать въ политической мудрости и въ вѣрной оцѣнкѣ силъ воюющихъ сторонъ, то нельзя не отдать справедливости той самоотверженности, съ какою они отстаиваютъ народное дѣло. Не взирая на страшныя разочарованія, испытанныя въ періодъ управленія царей Иродіанской династіи, народъ упорно продолжаетъ вѣрить, что внѣ самобытной національной организаціи *нельзя жить*, нельзя вести достойное человѣка существованіе. Фарисеи не придаютъ послѣднему воззрѣнію никакого значенія. Видя крушеніе всего современнаго общественнаго порядка, они считаютъ возможнымъ сохранить самое цѣнное въ національной культурѣ — религію и этику, причѣмъ сохранить навсегда, внѣ всякихъ социальныхъ условій, такъ сказать *вне времени и пространства*.

Одновременно съ этимъ или нѣсколько еще ранѣе начинается *дифференціація* въ фарисейскомъ лагерѣ. Сперва намѣчаются два направленія: одно — строго консервативное, стремящееся къ усугубленію строгости закона и связанное съ именемъ школы Шаммаи, другое — болѣе прогрессивное, обязанное своимъ развитіемъ учителю Гиллелю. Рядомъ съ этими двумя направленіями, стоявшими на еврейской національной, въ фарисейскомъ смыслѣ, почвѣ, возникаетъ третье направленіе — *универсальное*. Если еврейская религіозная система должна существовать внѣ всякихъ рамокъ національно-политической жизни, то она, разумѣется, пригодна для всякаго народа. Обще-человѣческіе этические идеалы, провозглашенные пророками, должны были лечь въ основу новой проповѣди, съ которою, послѣ крушенія еврейской національной организаціи, глашатаи новаго универсальнаго теченія должны были обратиться къ языческимъ народамъ. Однако въ теченіе 1½ или 2 вѣковъ борьба этихъ двухъ направленій — національнаго и универсальнаго — оставалась внутри еврейства и имѣла теоретиче-

скій характеръ. Личныя отношенія между евреями и евреями-универсалистами или, какъ они называются въ еврейскихъ источникахъ, минеями первоначально не были враждебными. Подъ вліяніемъ универсальнаго теченія трансформируется и мессіанская идея, съ одной стороны, расширяясь все болѣе и болѣе изъ національнаго воззрѣнія въ міровое: ожидаемый избавитель имѣетъ уже отношеніе не къ одному Израилю, а ко всему міру, а съ другой—принимая все болѣе мистическій и трансцендентальный характеръ. Въ противовѣсъ еврейской національной вѣрѣ апостолы новаго ученія исповѣдуютъ, что Мессія явился въ лицѣ понесшаго за всѣхъ людей крестную смерть и воскресшаго Иисуса Христа изъ Назарета. Такимъ образомъ главная опора существованія еврейской націи, заключавшаяся въ мессіанской надеждѣ, должна была исчезнуть. Фарисеи не могли не бороться съ опаснымъ для еврейскаго національнаго самосознанія ученіемъ. Во всѣ молитвы (въ читавшіяся 3 раза въ день, въ послѣ-трапезныя молитвы и по поводу разныхъ случайныхъ событій) были вставлены добавленія о возстановленіи Иерусалима и наступленіи царства Мессіи, и установлены національные посты, внѣдрявшіе и укрѣплявшіе въ народномъ сознаніи вѣру въ возрожденіе народа на землѣ его предковъ. Мало по малу разладъ между національнымъ и универсальнымъ направленіями становится все сильнѣе. Враждебныя отношенія особенно усиливаются послѣ неудавшейся попытки національной партіи съ Баркохбой и р. Акибой во главѣ вооруженною силою возстановить независимость народа въ Палестинѣ.

Можно ли обвинять фарисеевъ и ихъ преемниковъ въ томъ, что они, замкнувшись въ узкихъ національныхъ рамкахъ, выпустили изъ сферы своего вліянія нарождавшееся религиозное теченіе? Надо думать, что эта ошибка была исторической необходимостью. Въ виду крушенія еврейской политической организаціи, націо-

нальная самозащита могла быть сдѣлана только на почвѣ религіозной. Для сохраненія своего національнаго цѣлаго не было другихъ средствъ, какъ замкнуться въ себѣ, оградиться системой мелочныхъ и антисоціальныхъ запретовъ. Если нельзя было идти впередъ, явиться носителемъ прогрессивныхъ идей и въ то же время не раствориться въ общечеловѣческомъ морѣ, то пришлось не двигаться вовсе, уйти въ прошлое и даже нѣсколько понизить, какъ это видно изъ послѣдующаго, тонъ умственной жизни народа. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, если бы надъ евреями не разразилась политическая катастрофа, если бы они сохранили свою національную организацію въ Палестинѣ, то развитіе универсальнаго теченія пошло бы иными путями и, такъ какъ національному существованію евреевъ не угрожала бы никакая опасность, то къ новому универсальному теченію примкнулъ бы *весь* народъ еврейскій, и тогда исполнились бы въ буквальномъ смыслѣ слова пророка: „И будетъ въ послѣдніе дни гора дома Господня поставлена во главу всѣхъ горъ и возвысится надъ холмами, и будутъ стекаться къ ней всѣ народы. И пойдутъ многіе народы и скажутъ: прїидите и взойдемъ на гору Господню, въ домъ Бога Іакова, и пусть онъ научитъ насъ своимъ путямъ, дабы мы пошли по его стезямъ, ибо отъ Сіона выйдетъ законъ и изъ Іерусалима слово Божіе“.

VI.

Перехожу къ разсмотрѣнію второго періода исторіи еврейскаго народа, къ періоду разсѣянія, голуса (изгнанія). Въ этомъ періодѣ мы встрѣчаемъ тѣ-же основныя теченія, что въ предыдущемъ. Хотя форма и сила каждаго изъ этихъ теченій имѣетъ иной, чѣмъ въ первомъ періодѣ, характеръ, однако, послѣ внимательнаго изученія еврейской жизни въ періодъ разсѣянія, нельзя

не констатировать 1) непрерывности и единства национально-политического самосознания, выражавшагося въ идеѣ о единеніи народа съ его родной землей и въ чувствѣ тяготѣнія къ ней, и, слѣдов., 2) единства историческаго процесса во всѣ періоды существованія еврейскаго народа, несмотря на рѣзкое различіе въ условіяхъ жизни въ Палестинѣ и въ голусѣ.

Въ періодъ разсѣянія, съ одной стороны, національная мессіано-палестинская идея, продолжая жить въ народѣ, превращается въ мистическое вѣрованіе и лишь отъ времени до времени прорывается въ видѣ массовыхъ движеній въ Палестину; съ другой, религіозная система, созданная, какъ средство національной самозащиты, фарисеями и развиваемая ихъ преемниками, въ лицѣ танаевъ, амореевъ и раввиновъ, занимаетъ подавляющее мѣсто въ жизни евреевъ.

Нельзя не признать, однако, что развитіе этой системы, лишенной нормальной національной среды, было одностороннее и регрессивное не только въ отношеніи къ пророческимъ воззрѣніямъ, но и къ религіозному и общественному быту въ эпоху отъ Эзры до Маккавеевъ. Насколько регрессировала религіозная мысль въ эпоху танаевъ и амореевъ можно, напр., видѣть изъ отношенія ихъ къ вопросу о кровавыхъ жертвоприношеніяхъ. Въ то время какъ ужъ за нѣсколько вѣковъ предъ тѣмъ пророки громко заявили о низменности этой формы культа, въ то время какъ самъ народъ уже въ теченіе 2-хъ вѣковъ сталъ привыкать къ замѣнѣ жертвоприношеній молитвенными собраніями и чтеніями пророковъ, мы видимъ, что танаи значительную часть времени въ школахъ посвящаютъ изученію и регламентированію несуществующаго храмоваго культа и системы сборовъ и налоговъ въ пользу жрецовъ. Быть можетъ, эта приверженность ко всему тому, что составляетъ остатки стариннаго быта, объясняется тѣмъ, что учителямъ народа хотѣлось создать иллюзію, что не сегодня-завтра

родину народа, пропѣли свою лебединую пѣсню. Въ твореніяхъ этихъ послѣднихъ пророковъ горизонты еврейской мысли расширились: новое еврейское государство, окрѣпнувъ въ своихъ національныхъ устояхъ, должно было стать во главѣ всемірнаго братскаго союза народовъ. Тогда-то въ душѣ народа и были заложены сѣмена возвышенной *мессіанской идеи*, которой суждено стать талисманомъ и палладіумомъ народа во всю его послѣдующую жизнь. Пока въ памяти народа были свѣжи преданія о быломъ величіи еврейскаго государства и о славѣ царей Давидова дома, еще раздавались вдохновенныя рѣчи о наступленіи времени, когда новый отпрыскъ Давидова дома введетъ болѣе справедливый соціальный порядокъ, но эти народныя мечты далеко не соотвѣтствовали дѣйствительности.

Въ преемникахъ пророковъ, книжникахъ, творчество народной мысли понижаетъ свой тонъ: это уже не вдохновенные проповѣдники, а ученые люди, знатоки народившейся священной письменности и писатели, въ тоже время знатоки писаннаго и обычнаго права и, въ качествѣ судей, творцы этого права, законодатели и, наконецъ, они же учителя народа. Въ виду указанныхъ многосложныхъ функций, вліяніе книжныхъ людей на народную жизнь громаднo и конкурируетъ со жреческимъ, держащимся больше въ силу принудительной власти. Въ эту эпоху правообразование находится, такъ сказать, еще въ текучемъ состояніи. Опираясь на сравнительно немногочисленныя положенія писаннаго закона, развивается система устнаго обычнаго права. Книжники съ одной стороны кладутъ начало системѣ свободной интерпретаціи писаннаго закона, а съ другой вводятъ рядъ новыхъ нормъ, не заключающихся въ писанномъ кодексѣ и извѣстныхъ впоследствии, какъ *halacha l'Mosche m'Sinai* или какъ *dibre sofrim*, т. е. постановленія, основанныя исключительно на авторитетѣ книжниковъ.

вѣковъ была произведена лишь болѣе мелочная регламентація положеній, касавшихся молитвъ, праздниковъ, законовъ о пищѣ и т. д. О степени регрессивнаго движенія національной жизни со второго по пятый вѣкъ судить можно и по литературной формѣ, способу систематизаціи матеріала двухъ главныхъ литературныхъ памятниковъ этой эпохи. Въ то время какъ Мишна р. Иегуды Ганаси, издавшая въ концѣ 2-го вѣка и написанная на довольно чистомъ еврейскомъ языкѣ, представляетъ собою, хотя и невыдержанную, попытку учебнаго руководства, въ которомъ, однако, видна работа систематизирующаго ума, стремящагося выразиться опредѣленно и сжато,— составители Гемары забыли старыи родной языкъ и уже не въ состояніи ничего другого сдѣлать, какъ въ полномъ безпорядкѣ представить стенограмму школьныхъ дебатовъ безъ всякаго разбора важнаго отъ неважнаго, достовѣрнаго отъ фантастическаго. Если автору Мишны можно поставить упрекъ въ переполненіи своего сборника правилами и предписаніями, имѣвшими только академическое значеніе (правила ритуальной чистоты или храмоваго культа), то еще болѣе надо удивляться амореямъ, которые, нѣсколько вѣковъ спустя, не могли отрѣшиться отъ этой отжившей старины. Показателемъ суженія кругозора національной жизни является равнодушіе амореевъ къ еврейскому языку и письменности въ смыслѣ литературной формы. Конечно, не то слѣдуетъ поставить въ упрекъ амореямъ, что они говорили и писали на арамейскомъ языкѣ, но то, что они не оставили никакихъ слѣдовъ своихъ занятій библейскимъ языкомъ въ какихъ либо лексическихъ и грамматическихъ трудахъ. Дѣятельность масоретовъ, сохранившихъ для насъ библейскій текстъ, началась нѣсколько позже, а именно въ концѣ V вѣка и расцвѣла лишь въ VII вѣкѣ. Даже имена еврейскія не популярны у амореевъ; арамейскія имена амореевъ еврейскій народъ, однако, при всемъ своемъ уваженіи къ нимъ, не сохранилъ.

V.

За 150 слишкомъ лѣтъ до начала этой эпохи въ Западной Азіи произошло событіе, которое, казалось, разь навсегда должно было повернуть теченіе исторіи народовъ, жившихъ въ этой части свѣта, на совершенно новое русло. Законченная великая эллинская культура нашла геніальнаго полководца, взявшаго на себя задачу оплодотворить сѣменами греческой образованности пришедшія въ застои страны старой ассиро-вавилонской, иранской и египетской образованности. Александръ совершилъ свой побѣдоносный походъ, и широкимъ потокомъ разлилась эллинская жизнь по всѣмъ городамъ Востока, всюду сталкиваясь съ религіозно-соціальнымъ бытомъ восточныхъ народовъ. Результатомъ этого взаимодѣйствія двухъ міровъ явилась новая культура, въ которой восточные элементы переплетаются съ эллинскими, и которая высшаго расцвѣта достигаетъ въ Египтѣ въ Александрійской школѣ философовъ и ученыхъ. Здѣсь между прочимъ была сдѣлана въ трудахъ Филона попытка примирить начала мозаизма съ греческой философіей; попытка эта имѣла, однако, собственно апологетическій характеръ (т. е. Филонъ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду оправдать еврейское религіозное міровоззрѣніе предъ судомъ греческой философіи) и не могла имѣть значенія въ той средѣ, гдѣ сильны были устои еврейской національной жизни.

На первыхъ порахъ, казалось, побѣдоносный эллинизмъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія въ еврейскомъ обществѣ. Не смотря на коренныя противорѣчія между возвышеннымъ этическимъ еврейскимъ вѣроученіемъ и эллинскимъ міровоззрѣніемъ, въ силу котораго высшимъ закономъ являлось понятіе о красотѣ, а цѣлью жизни—умственные и чувственные наслажденія, еврейская религіозная дисциплина не являлась достаточной

преградой для распространения греческих формъ жизни. За предѣлами Палестины, напр. въ Египтѣ, евреи, не отрекаясь формально отъ еврейскаго вѣроученія, были охвачены ассимиляціоннымъ потокомъ. И въ самой Палестинѣ принадлежность къ еврейскому культу и исповѣданіе основъ еврейской религіи не спасло отъ увлеченія эллинизмомъ высшіе классы еврейскаго народа, тѣ классы, гдѣ сытая и праздная жизнь ослабила сознаніе связи съ народнымъ организмомъ. Но чѣмъ глубже проникала эллинизация въ состоятельные классы, тѣмъ сильнѣе противъ нея выросталъ протестъ въ недрахъ народа, гдѣ послѣ 800-лѣтней жизни на родной землѣ сознаніе неприкосновенности устоевъ своей національной жизни образовало непоколебимый протестъ противъ иноземныхъ посягательствъ оплотъ. Народъ выдержалъ непрямѣрную борьбу за свою духовную и общественную свободу и вышелъ побѣдителемъ.

... Какія же были послѣдствія побѣды Маккавеевъ?

Въ смыслѣ матеріальной культуры 20-ти лѣтняя борьба съ могущественнымъ врагомъ обошлась очень дорого. Численность народа, особенно вслѣдствіе усилившейся съ тѣхъ поръ эмиграціи *), его экономическое благосостояніе понесли чувствительный ущербъ. Крайнее обѣднѣніе народа, слабая надежда, переходившая въ отчаяніе, вернуть свое благосостояніе побуждаютъ людей уходить въ пустыню и устраивать тамъ монашескія общины. Таково происхожденіе секты ессеевъ, знаменующее крайній упадокъ народнаго духа, прежде проникнутаго живающимъ и трезвымъ ученіемъ Моисея, повелѣвавшего соиздать жизнь, потомство, благословлявшаго трудящихся на землѣ для личнаго счастья **).

Возможно, что при болѣе спокойныхъ политическихъ обстоятельствахъ народъ оправился-бы матеріально и возстановилъ бы свою духовную мощь. Но этому не

*) Schürer, „Gesch. d. jüd. Volkes“, II, стр. 494 и сл.

**) Второзаконіе, XXX, 20.

суждено было сбыться. И вотъ въ народѣ возникаетъ и растетъ чрезвычайно тревожное душевное настроеніе, создавшее почву для весьма опасной и односторонней умственной дѣятельности учителей народа, прежнихъ книжниковъ, теперь извѣстныхъ подъ именемъ хасидеевъ и фарисеевъ.

Въ общественной жизни нерѣдко замѣчается, что благодѣтельное дѣйствіе идеи ослабѣваетъ и часто даже извращается послѣ торжества этой идеи. Подъемъ духа, потребовавшій огромной затраты силъ для народной самообороны, какъ-бы временно истощаетъ еврейскій народъ. Народное оскудѣніе отражается на учителяхъ народа, фарисеяхъ. Кругозоръ ихъ постепенно суживается; духовные интересы мельчаютъ. Спасеніе отъ вторженія иноземной культуры усматривается не въ поддержаніи національнаго самосознанія, не въ упроченіи политической организациі, а въ огражденіи и замыканіи народной жизни сѣтью ритуальныхъ запретовъ. Увлекаясь борьбой съ еще опасными и привлекательными формами греческой жизни, фарисеи, поставивъ идеаломъ жизни соблюденіе физической и душевной чистоты, начинаютъ все болѣе и болѣе уклоняться отъ здоровыхъ соціальныхъ основъ еврейской народной жизни. Матеріальная жизнь слишкомъ низменна, она безпрестанно грязнитъ слабый человѣчскій духъ; нужно ежеминутно помнить, что міръ полонъ нечистоты и, по возможности, сторониться матеріальной жизни. Отсюда и названіе фарисеевъ — людей отдѣлившихся отъ общества и ушедшихъ всецѣло въ изученіе священныхъ книгъ. Неудивительно, что на первыхъ порахъ эти антисоціальныя идеи фарисеевъ не могли внушить симпатіи народу. Въ талмудической письменности сохранились слѣды, свидѣтельствующіе о неприязненныхъ отношеніяхъ народа къ фарисеямъ (напр. сказаніе о семи типахъ фарисеевъ) и презрительномъ отношеніи фарисеевъ къ амгоарацимъ, т. е. къ народу. Эти талмудическія сказанія—переживанія того времени,

яркія звѣзды поэтического вдохновенія и философской мысли—не могли однако ни разсѣять мрака, царившаго въ народной жизни, ни оставить прочныхъ слѣдовъ на ходѣ развитія еврейства. Еще въ XIII, XIV и XV вв. мы встрѣчаемъ изолированные отголоски подъема мысли Маймонидовой эпохи (Крескасъ, Альбо, Элія дель Медиго и др.), но главное русло народной жизни осталось нетронутымъ, и еврейскій религиозный бытъ окончательно приведенъ въ окаменѣніе въ знаменитомъ трудѣ Іосифа Каро «Шулханъ Арухъ.» Въ XVI, XVII и 1-й половинѣ XVIII вв. оппозиція талмудизму выражается лишь въ каббалистическихъ и мистическихъ теченіяхъ, съ которыми талмудизмъ успѣшно борется. Такимъ образомъ Саадія, Маймонидъ и ихъ современники стоятъ совершенно одиноко въ сумеркахъ восьми вѣковъ, имъ предшествовавшихъ, и шести вѣковъ еврейской исторіи, за ними слѣдующихъ. Причины этой духовной изолированности лежатъ въ *отсутствіи національной среды*, въ разсѣянности и разбродѣ частей народнаго организма и въ полной дезорганизаціи политическаго и общественнаго строя, въ которой пребывалъ еврейскій народъ. Какое водѣйствіе на народную жизнь могли имѣть при всей своей геніальности поэты и мыслители, писавшіе на языкахъ, непонятныхъ значительной части народа? Какъ могли достигать голоса этихъ вѣстниковъ новаго слова во все уголки, гдѣ былъ разсѣянъ еврейскій народъ? Явившись продуктомъ временныхъ благоприятныхъ условий жизни народа, они, какъ метеоры, промелькнули на горизонтѣ еврейской исторіи, оставивъ лишь свѣтлый слѣдъ для отдаленныхъ поколѣній *).

*) За предѣлами еврейской народной жизни дѣятельность писателей испанскаго періода не прошла безслѣдно. Черезъ посредство эпитоновъ этого періода Западная Европа познакомилась съ греческой и арабской литературой. На сдѣланныхъ б. ч. евреями переводахъ на латинскій языкъ классическихъ произведеній греческой и арабской философіи (Аристотель, Аверроэсъ и др.) воспитывались писатели эпохи ранняго возрожденія (XIII и XIV) и гуманисты эпохи реформаціи.

вода печальные итоги двухвѣковой дѣятельности мыслителей и поэтовъ испанскаго періода, невольно сравниваешь, чѣмъ былъ народъ, когда онъ жилъ самобытною жизнью на родной землѣ, какіе прочные корни пустила въ народѣ дѣятельность духовныхъ вождей того времени, и какъ бесплодно завершились труды свѣточей эпохи разсѣянiя и порабощенiя.

VIII.

При такихъ обстоятельствахъ, казалось, народу грозила неминуемая смерть. Европейскіе ученые давно присудили къ исчезновенію еврейскую національность. И въ наше время свободомыслящій Вельгаузенъ заявилъ, что еврейскій народъ умеръ, уничтоженный еще ассиро-вавилонянами, и что послѣ вавилонскаго плѣненiя ожила лишь религіозная секта, сохранившаяся понынѣ *). Другіе не идутъ такъ далеко, но не сомнѣваются въ томъ, что то, что не удалось ассиро-вавилонянамъ, — съ полнымъ успѣхомъ достигнуто римлянами. На этотъ разъ еврей, какъ нація, уничтожены, и, разсѣянные по всему лицу земли, они составляютъ лишь вѣроисповѣдную группу. Возрѣнiя еврейскихъ историковъ, которымъ живое національное чувство не позволяетъ признать эту философію народнаго самоубійства, отличаются шаткостью и неопредѣленностью. Историки эти не находятъ твердой почвы для своихъ національныхъ чувствъ въ разбросанномъ историческомъ матеріалѣ послѣ-палестинскаго періода. Отъ нихъ ускользаетъ то *основное національное теченіе*, которое *объединяетъ этотъ періодъ исторiи еврейскаго народа съ первымъ періодомъ*. Слѣды этой неопредѣленности мы находимъ и въ характеристикѣ послѣ-палестинскаго періода, данной самымъ выдающимся нашимъ историкомъ Грецомъ во введеніе къ V-ому тому его „Исторiи евреевъ“.

*) Wellhausen, „Proleg. zur Gesch. Israels“, 1895, стр. 1.

„Исторія послѣ талмудическаго періода, пишетъ Грець, такимъ образомъ, имѣетъ *національный* характеръ; ее ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать исключительно исторіей религіи или церкви, такъ какъ она имѣетъ предметомъ изученія не только развитіе еврейскаго вѣроученія, но и особый народъ, который хотя и не имѣетъ территоріи, отечества, географическихъ границъ, государственнаго устройства, но за то *замѣняетъ эти реальныя условія духовными силами* *). Разсѣявшись по разнымъ странамъ земнаго шара, евреи тѣмъ не менѣе не переставали чувствовать себя особою народностью, связанной вѣроисповѣданіемъ, историческими преданіями, нравами и *общими надеждами* *).

Къ сожалѣнію, это въ общемъ правильное опредѣленіе сущности еврейскаго историческаго процесса, хотя въ немъ уже замѣтно вліяніе богословской тенденціи, затемняется послѣдующими разсужденіями нашего историка.

Грець, резюмируя далѣе содержаніе еврейской исторіи въ послѣ-талмудическую эпоху, говоритъ, что исторія эта является преимущественно исторіей культуры, что на скрижаляхъ этой исторіи „не приходится отмѣчать ни побѣдъ съ кровавыми трофеями,.... ни завоеваній обширныхъ земель, ни порабощенія другихъ народовъ; но за то тѣмъ больше начертано на нихъ духовныхъ побѣдъ и завоеваній въ области ума... Въ то время какъ другіе народы вели между собою истребительныя войны, племя Іакова думало только о томъ, какъ бы поддержать свѣтильникъ духа... и старалось, на сколько возможно, разсѣять мракъ, вызванный невѣжествомъ и суевѣріемъ...; тысячекратно-порабощенное, это племя сумѣло сохранить въ цѣлости свою духовную свободу...; гонимое и безпріютное, оно создало себѣ духовную родину“. Если въ вышеуказанномъ опредѣленіи сущности

*) Куропчъ мой.

еврейскаго историческаго процесса Грець на первый планъ все же выдвигаетъ народъ, его жизнь, интересы, его стремленія и *надежды*, то въ послѣдующихъ затѣмъ разсужденіяхъ нашъ историкъ далекъ отъ исторической объективности и безпристрастія.

Въ самомъ дѣлѣ, справедливо ли ставить въ заслугу евреямъ то, что они въ это время не вели никакихъ войнъ и не совершали завоеваній? Не лучше ли было бы, если бы они вели войны съ цѣлью завоевать себѣ болѣе достойное существованіе? И потому-ли они не воевали, что были преисполнены духовнаго смиренія? Затѣмъ, правда ли, что въ періодъ разсѣянія евреи всегда опережали въ культурѣ другіе народы, и что за этотъ періодъ приходится отмѣчать въ области ума одни лишь завоеванія? И, наконецъ, правда-ли, что во весь этотъ періодъ племя Іаково о томъ только и думало, какъ бы разсѣять мракъ невѣжества и суевѣрія? Мы знаемъ, наоборотъ, что еврейская религіозная мысль, окристаллизовавшись въ не особенно привлекательную форму въ талмудической письменности, остановилась въ своемъ развитіи, и, не смотря на усилія Маймонида и другихъ писателей его эпохи, она съ XIII в. не только не подвинулась впередъ, а ушла назадъ. Можно ли говорить о евреяхъ, сжигавшихъ сочиненія Маймонида и о послѣдователяхъ этихъ фанатиковъ въ XV, XVI, XVII и XVIII вѣкахъ, что они „сохранили свободу духа“ или что они не знали среднихъ вѣковъ въ позорномъ значеніи этого слова, т. е. въ смыслѣ „религіознаго изувѣрства и умственной косности.“? Въ какое глубокое самообольщеніе впадаетъ нашъ историкъ, подавленный задачею найти разумный смыслъ и нравственное оправданіе послѣ-палестинскаго періода исторіи! Подъ влияніемъ шаблонно-богословской теоріи Грець не находитъ *raison d'être* исторіи еврейскаго народа въ періодъ разсѣянія ни въ чемъ другомъ, какъ въ томъ, что на протяженіи этого періода своей исторіи евреи являютъ собою особую *духовную націю*, носитель-

ницу высокой религиозной культуры, „замѣнившую реальныя условія политической жизни духовными силами“.

Но если ученые историки не могли придти въ соглашеніе относительно того, существуетъ-ли или нѣтъ еврейская нація, то самъ народъ чувствовалъ, что онъ живъ и знаетъ, въ чемъ заключается нравственное оправданіе его существованія. Оно заключалось, быть можетъ, не въ такой возвышенной идеѣ, какую стремились ему навязать, а скрывалось въ самыхъ простыхъ, естественныхъ человѣческихъ правахъ. Устами патріарха Авраама въ одной легендѣ Мидраша народъ выражаетъ эту простую мысль слѣдующимъ образомъ: Авраамъ обращается къ Богу, говоря: „отчего я не такой, какъ все другіе народы и языки, что мнѣ привелось дожить до такого стыда и позора?“ Центръ тяжести здѣсь, именно, въ словахъ „отчего не такой, какъ все народы“. Въ народѣ не умирало сознаніе, что онъ влачитъ позорное существованіе и что единственный выходъ изъ него—возродиться къ новой жизни на старой родинѣ. Все стремленія фариисеевъ и ихъ преемниковъ соадать изъ еврея исключительно духовное существо—*сверхчеловѣка*—не привели ни къ чему. Евреевъ неотразимо влекло жить свободною землею жизнью и быть хозяиномъ въ своей странѣ, какъ и другіе народы.

IX.

Исторія палестинско-мессіанской идеи также почти стара, какъ исторія самого еврейскаго народа. Я уже отмѣтилъ моментъ возникновенія мессіанской идеи въ пророческихъ книгахъ начала послѣ-вавилонской эпохи. Въ задачу этого очерка не входитъ подробное разсмотрѣніе во всей ея полнотѣ исторіи эволюціи мессіанской идеи, которая уже на христіанской почвѣ трансформировалась изъ національно-политическаго вѣрованія въ мистическо-богословскую универсальную доктрину. Въ

литературной обработкѣ христіанская догматика мессіанства оказала вліяніе и на еврейскихъ авторовъ. Но для моего изслѣдованія важна не эта сторона, а мессіанская идея, какъ элементъ еврейской народной психологіи. Въ народной душѣ ожиданіе Мессіи неразрывно связано съ возвращеніемъ въ Палестину и имѣетъ вполне реальный характеръ. Стремленія нѣкоторыхъ талмудистовъ ослабить палестино-мессіанскую идею,—отраженіе этихъ стремленій мы встрѣчаемъ, напр. въ изреченіяхъ: „между нынѣшними временами и временами Мессіи нѣтъ другой разницы кромѣ прекращенія рабства“, или „не нужно ожидать Мессіи“, или „возвращающійся въ Палестину совершаетъ грѣхъ“—, всѣ подобныя стремленія, отчасти вызванныя временными обстоятельствами (жестокое подавленіе римлянами возстанія Баркохбы), никакого вліянія на народъ не имѣли. Въ то время какъ въ умственной жизни народа все болѣе сгущался мракъ, поддерживаемый фанатическими приверженцами фарисейской галахи, душившими всѣ попытки раціоналистическаго направленія, народъ находилъ себѣ утѣшеніе въ агадическихъ поэтическихъ произведеніяхъ, уносившихъ народное воображеніе далеко отъ печальной дѣйствительности... Въ этомъ отношеніи особенное значеніе имѣли тѣ изъ агадическихъ произведеній, въ которыхъ народъ находилъ поддержку своимъ палестино-мессіанскимъ надеждамъ. Одну изъ наиболѣе трогательныхъ легендъ мессіанскаго цикла мы встрѣчаемъ въ древнемъ Мидрашѣ „Echa Rabbathi“ („Великій плачъ“). Легенда начинается стихомъ:

„Когда я подумаю объ этомъ,

Тогда во мнѣ изливается душа моя“.

Далѣе разсказывается, какъ самъ Всеблагій Богъ плачетъ, вспоминая о гибели величія Израиля. Ангелы съ Метатрономъ во главѣ являются его утѣшить. Но Господь призываетъ къ себѣ пророка Іеремію и велитъ ему вызвать изъ могилъ Авраама, Исаака, Іакова и Моисея.

Когда патриархи и Моисей узнают, что святыня разрушена и Израиль разсѣянъ, они раздираютъ свои одежды, разражаются плачемъ и начинаютъ предъ Богомъ предстательствовать за еврейскій народъ. Въ Мидрашѣ приводятся горячія мольбы патриарховъ, причемъ рельефно выступаетъ образъ cadaго изъ нихъ, и упреки и страстныя рѣчи Моисея, но Богъ остается непреклоннымъ. Тогда внезапно подбѣгаетъ къ Богу Рахиль. Ея рѣчь отличается такою наивно-поэтической прелестью, что я позволю себѣ привести ее въ извлеченіи: „Владыка міра, говоритъ Рахиль, тебѣ извѣстно какъ сильно любилъ меня твой рабъ Іаковъ, какъ ради меня онъ семь лѣтъ служилъ моему отцу. И когда семь лѣтъ минули, задумалъ мой отецъ замѣнить меня сестрою..., и жестоко поразилъ меня этотъ замыселъ, о которомъ мнѣ удалось провѣдать. Я сказала объ этомъ Іакову, сообщила ему тайные знаки, по которымъ онъ могъ меня отличить отъ сестры и этимъ разрушить планъ моего отца..... Но скоро раскаялась въ этомъ, сжалившись надъ сестрою....., и я поборола пламень моей любви, и, когда вечеромъ ее привели къ Іакову вмѣсто меня, я дала ей всѣ тайные знаки, по которымъ онъ долженъ былъ узнать Рахиль..... И я..., женщина, плоть и кровь... не ревновала къ моей соперницѣ..... Почему же ты, о, Господи Всесильный и Всеблагій, приревновалъ Израиля къ идоламъ, дереву и камню, ничтожному праху... прогналъ моихъ дѣтей... умертвилъ ихъ мечемъ... отдалъ на произволъ врагамъ?“

Тогда тронулось милосердіе Высочайшаго, и такъ онъ сказалъ: „ради тебя, Рахиль, приведу я Израиля обратно на родину...“ *)

Въ этомъ произведеніи народнаго творчества все замѣчательно: величавыя фигуры патриарховъ, страстный народный вождь Моисей и полный поэтической прелести

*) Karpeles, „Geschichte d. jüd. Literatur“ (1886, стр. 343—8).

образъ самоотверженной еврейской женщины; знаменательна и глубокая мысль легенды, что самоотверженная женская любовь спасетъ народъ... Какой силой молодости, какую глубиною чувства вѣетъ отъ этой легенды! И кто бы могъ повѣрить, что нѣсколько вѣковъ схоластической діалектики не иссушили живыхъ источниковъ народнаго творчества!

Въ XII в. глубокая національная тоска по родной землѣ находитъ своего бессмертнаго выразителя въ томъ, кого Гейне называетъ „великимъ поэтомъ“, „звѣздою и свѣточемъ“ своего времени и народа—въ Іегудѣ Галеви. Въ своихъ звучныхъ стихахъ, въ коихъ оживаетъ языкъ пророковъ, поэтъ поетъ обо всемъ, что волнуетъ человѣческое сердце: о прелести милой подруги, о красотѣ весны, о радостяхъ дружбы, но всѣ эти напѣвы блѣднѣютъ предъ полными страстной тоски знаменитыми элегіями-сіонидами.

„Голубка моя, обращается поэтъ къ народу, вернись въ свое гнѣздо, лети въ Сіонъ“. Затѣмъ—къ Палестинѣ: «О, дивный край, радость міра, градъ великаго Царя! Къ тебѣ стремится душа моя съ крайняго Запада!.. Жгучая жалость наполняетъ меня, когда я вспомню о прежнему величьи твоёмъ, нынѣ исчезнувшемъ! О, кто понесъ бы меня на орлиныхъ крыльяхъ, и я напоилъ бы землю слезами моими и обнималъ бы и цѣловалъ бы камни твои.. Мое сердце на Востокъ, а я на крайнемъ Западѣ.... Какъ могу я наслаждаться солнечнымъ свѣтомъ, когда я вижу, какъ вороны клюютъ орловъ твоихъ..... О, какъ смѣли сѣсть рабы на тронъ героевъ твоихъ!..»

Эту дѣнь народъ благоговѣйно сохранилъ въ своей памяти и включилъ ее въ свои молитвы...

Проходятъ вѣка. Въ потянувшейся изо дня въ день тусклой жизни народа не раздаются больше такихъ страстныхъ призывовъ, но тоска національная не ослабѣваетъ; она выражается только не во вдохновенно-поэтическихъ образахъ и звукахъ, а въ сѣрыхъ прозаическихъ фор-

махъ. Во всѣхъ мемуарахъ евреевъ-очевидцевъ, описывающихъ страданія своихъ единоплеменниковъ въ среднѣе вѣка, выступаетъ непоколебимая увѣренность въ предстоящемъ возрожденіи народа въ Палестинѣ. Какою необычайною живучестью отличается палестинская идея, можно судить, между прочимъ, изъ того, что два такихъ одинаково отрѣзанныхъ отъ еврейской жизни лица, какъ Спиноза и Дизраэли (Биконсфильдъ) — геометрическаго склада ума философъ XVII в. и просвѣщенный государственный дѣятель XIX в. — оба допускали полную возможность возрожденія евреевъ на старой родинѣ. И въ творцѣ пантеистической философской системы и въ блестящемъ британскомъ премьеръ-министрѣ и авторѣ «*Давида Алрои*» вмѣстѣ съ еврейской кровью жила старая народная мечта.

Тоска по Палестинѣ выражалась не въ однихъ молитвахъ и произведеніяхъ народной лирики и эпоса, а и въ непрерывномъ рядѣ массовыхъ движеній, паломничествъ и эмиграцій въ Палестину. Исторіи массовыхъ движеній въ Палестину посвященъ, между прочимъ, появившійся въ прошломъ году въ печати историческій очеркъ М. И. Кулишера. *) Въ своемъ сжатомъ очеркѣ авторъ устанавливаетъ фактъ непрерывнаго тяготѣнія народа къ старой родинѣ и непрекращавшихся попытокъ массового движенія и эмиграцій въ Палестину. Причины, которыя отъ времени до времени обостряли эту, по мнѣнію автора, народную психическую болѣзнь, кроются въ 2-хъ внѣшнихъ фактахъ: во 1-хъ, въ томъ, что Палестина все время переходитъ изъ рукъ однихъ владѣльцевъ въ руки другихъ, и, во 2-хъ, въ ухудшеніи матеріальнаго положенія евреевъ. Но и самъ г. Кулишеръ признаетъ, что причины эти лишь *обостряютъ* болѣзнь. Какова же истинная внутренняя причина? Въ указанной здѣсь статьѣ мы не находимъ отвѣта на этотъ вопросъ; между

*) *Восходъ*, 1899, № 2.

тѣмъ, вѣдь, выясненіе происхожденія болѣзни—этіологія болѣзни—чрезвычайно важна для правильной постановки діагноза и метода леченія. Палестино-мессіанскія стремленія представляются г. Кулишеру лишь въ видѣ „мистическихъ бредней“, которыя сами не могутъ быть причиною движеній, а являются лишь послѣдствіемъ, но чего именно—авторъ не выясняетъ. Дѣло, однако, объясняется гораздо проще. Я думаю, что, называя тоску по Палестинѣ „мистическими бреднями“, г. Кулишеръ принялъ форму движенія за его сущность. Дѣйствительно, въ теченіи многихъ вѣковъ тоска по Палестинѣ, благодаря пониженію умственнаго уровня народа мертвящею схоластикомъ талмудизма, выражалась въ мистическихъ формахъ. Непрерывный рядъ лжемессіанскихъ движеній, чѣмъ далѣе принимавшихъ все болѣе фантастически-мистическій характеръ, свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о живучести палестинской идеи, а съ другой— о помраченіи въ народѣ здраваго историческаго смысла, объ отсутствіи пониманія хода историческихъ событій и средствъ къ достиженію соціально-политическихъ задачъ. Нужно проникнуть въ мрачные тайники народной души, подавленной своимъ позорнымъ существованіемъ и доведенной до крайнихъ предѣловъ отчаянія, чтобы понять дикое мессіанское изступленіе саббатіанцевъ въ XVII в. и нравственныя извращенія франкистовъ въ XVIII в. Мы знаемъ, что голодные доходятъ до бреда и галлюцинацій. Еврейскій народъ вѣковымъ голодомъ, жаждою національнаго существованія доведенъ былъ до тяжелой психической болѣзни, которую наши историки, не давъ себѣ труда выяснить ея внутренней причины, сурово осудили. Мало того, какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, просвѣщенные врачи признали еврейскій народъ въ этомъ отношеніи неизлечимымъ маниакомъ, а само стремленіе въ Палестину не здоровою реальною потребностью, а „мистическими бреднями“.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на противодѣйствіе своимъ палестино-мессіанскимъ надеждамъ и стремленіямъ, которое народъ встрѣчалъ со всѣхъ сторонъ, *сознаніе единенія народа съ его землею, окристаллизовавшись въ теченіе 1000-лѣтняго палестинскаго періода въ нерастворимый элементъ народной психологіи*, продолжало служить главнымъ оплотомъ противъ безконечной цѣпи страданій, какія выпадали на его долю въ средніе вѣка. Не смотря на удары судьбы, постигавшіе народъ въ эпоху крестовыхъ походовъ, черной смерти, гайдамачины и т. д., онъ не могъ рѣшиться искать спасеніе въ раствореніи своей національности среди другихъ народовъ, такъ какъ таинственная связь, соединявшая народъ со старой родиной, не порывалась, и взоры народа продолжали быть устремленными на Востокъ.

X

Затаивъ глубокую свою печаль, народъ въ средніе вѣка продолжалъ жить одиноко, замкнутый въ гетто и отрѣзанный отъ міра талмудическою системою правилъ и запретовъ. Какъ же къ этому народу должны были относиться его сосѣди? Мы это знаемъ! Тому, кто знакомъ съ мартирологомъ еврейскаго народа, будетъ понятенъ безумный ужасъ, охватившій знаменитаго русскаго сатирика, когда его воображенію представился замученный еврейскій народъ: «когда я думаю, пишетъ Салтыковъ, о положеніи, созданномъ образами и столами исконной легенды, преслѣдующей еврея изъ вѣка въ вѣкъ на всякомъ мѣстѣ — право, мнѣ представляется, что я съ ума схожу. Кажется, что за этою легендою зіяетъ бездонная пропасть, наполненная кипящею смолою, и въ этой пропасти безнадежно агонизируютъ цѣлыя массы людей, у которыхъ отнято все, даже право на смерть.

Ни одинъ человекъ въ цѣломъ мірѣ, продолжаетъ Салтыковъ, не найдетъ въ себѣ столько творческой силы,

чтобъ вообразить себя въ положеніи этой неумирающей агоніи, а еврей родится въ ней и для нея. Стигматизированный, онъ является на свѣтъ, стигматизированный, агонизируетъ въ жизни и стигматизированный же умираетъ. Или, лучше сказать, не умираетъ, а видитъ себя и по смерти безсрочно стигматизированнымъ въ лицѣ своихъ дѣтей и присныхъ. Нѣтъ выхода изъ кипящей смолы, нѣтъ иныхъ перспективъ, кромѣ зубовнаго скрежета. Что бы еврей ни предпринялъ, онъ всегда остается стигматизированнымъ. Дѣлается онъ христіаниномъ—онъ выкрестъ; остается при іудействѣ—онъ пѣсь смердящій. Можно ли представить себѣ мучительство болѣе безумное и безсовѣстное?*)

Потрясающій трагизмъ этой страшной, достойной кисти Данте, картины знаменитаго сатирика станетъ еще безпредѣльнѣй, если мы вспомнимъ, что состояніе неумирающей агоніи характеризуетъ не только внѣшнее положеніе еврейскаго народа, но и внутренній міръ народной души, міръ его вѣрованій и надеждъ, о которыхъ нашъ сатирикъ не могъ знать. Не представлялъ себѣ Салтыковъ и того, что должны испытывать тѣ слои еврейскаго народа, которые, не смотря на глухую стѣну, отдѣляющую ихъ отъ европейскихъ народовъ, всѣмъ сердцемъ и душою привязывались къ странамъ своихъ поселеній, на которыя они не могли не смотрѣть, какъ на свою естественную родину. Вѣдь рядомъ съ національнымъ чувствомъ въ еврей не переставало биться сердце общечеловѣка! Неужели напрасно, или преждевременно, евреи, убивая въ себѣ національныя чувства, искали защиты въ „забытыхъ словахъ“—въ справедливости и братствѣ всѣхъ людей!

Много труда положено на выясненіе причинъ вражды къ евреямъ всѣхъ другихъ народовъ. „Много умовъ билось въ мукахъ“ надъ разрѣшеніемъ „проклятаго“ еврей-

*) Салтыковъ, „Недоконченныя бесѣды“, 1885, стр. 126.

скаго вопроса. Были указаны сотни причинъ этой ненависти къ вѣчному народу. Въ объясненіе мотивовъ вражды входили элементы религіозные, юридическіе, національные, экономическіе, расовые и т. д., и т. д. Не было однако обращено вниманія на одну черту въ каждой изъ этихъ причинъ: является-ли каждая изъ указанныхъ категорій по отношенію къ евреямъ простымъ мотивомъ человѣческой вражды, или квалифицированнымъ, т. е. заключающимъ въ себѣ еще особый плюсъ, имѣющей мѣсто только въ отношеніи къ евреямъ. Мы знаемъ, что вражда существовала между всѣми народами, и что и теперь національную неприязнь надо признать безспорнымъ психологическимъ фактомъ. И во время существованія еврейскаго государства другіе народы относились къ евреямъ враждебно, но ту ли же *простую* національную вражду мы наблюдаемъ и въ теченіи всего періода разсвѣнія, т. е. такую ли же національную неприязнь, какую, напр., французы питаютъ къ англичанамъ и т. п.? То же самое и въ области религіозной. Развѣ религіозная вражда къ евреямъ тождественна съ враждою, напр., къ мусульманству и буддизму? Далѣе, одно время предполагали, что вражда къ евреямъ является продуктомъ ихъ юридическаго положенія, ихъ неравноправія, но не стало ли въ наше время очевиднымъ, что устраненіе правовыхъ ограниченій вовсе не ослабляетъ этой вражды? Затѣмъ особенно серьезное значеніе приписывали экономическимъ причинамъ. Въ средніе вѣка евреямъ не было мѣста среди замкнутыхъ корпорацій феодальнаго и цехового стоя. Исчезли цехи и феодализмъ; перераспредѣленіе экономическихъ классовъ и группъ измѣнялось нѣсколько разъ за послѣдніе вѣка, а евреи все еще не могутъ занять законнаго мѣста среди европейскихъ общественныхъ классовъ. Но почему? Не ясно ли, что экономическія отношенія являются не причиною, а послѣдствіемъ вражды! Евреи — нежелательные конкуренты въ экономической жизни только потому,

что они евреи. Отъ нихъ, гдѣ можно, извлекають пользу, но и тогда они ненавистны. Ни въ какой связи съ тѣмъ или инымъ строемъ экономической жизни—цехово-феодальнымъ, земледѣльческимъ, меркантильнымъ, индустриальнымъ, капиталистическимъ и т. д., ни въ какой связи съ ними вражда къ евреямъ не находится. Экономическія отношенія мѣнялись непрерывно, а вражда къ евреямъ оставалась неизмѣнною. Наконецъ шаткость всѣхъ этихъ причинъ вызвала къ жизни новый и послѣдній аргументъ, это—расовая антипатія, атавистическая вражда арійца къ семиту. Опровергать этотъ аргументъ нѣтъ собственно никакой надобности: дѣленіе народовъ на арійцевъ и семитовъ—не болѣе, какъ филологическая гипотеза; никогда арійцевъ и семитовъ, какъ 2-хъ особыхъ народностей, не существовало, да къ тому не одни евреи принадлежатъ по языку къ семитической вѣтви. Въ отношеніи арабовъ нѣтъ антисемитизма. Если всѣ эти причины, однако, не даютъ достаточнаго объясненія вражды народовъ къ евреямъ, если во всѣхъ причинахъ, вмѣстѣ взятыхъ, и въ каждой въ отдѣльности скрывается еще *особый специфическій плюсъ*, то въ чемъ же онъ заключается?

Въ самомъ дѣлѣ, вся совокупность сложныхъ взаимныхъ отношеній евреевъ и народовъ, среди которыхъ евреи живутъ въ теченіи тысячелѣтій, можетъ быть формулирована однимъ краткимъ положеніемъ: всегда и вездѣ евреи *чужіе*, пришельцы, нежеланные гости, хотя бы время поселенія ихъ въ странѣ скрывалось въ глубокой древности. И самъ еврейскій народъ въ теченіи среднихъ вѣковъ не могъ не чувствовать себя *чужимъ* въ странахъ своего изгнанія, въ голусѣ. Въ томъ-то и весь безпредѣльный трагизмъ положенія еврейскаго народа, что онъ не переставалъ быть и считаться чужимъ, инороднымъ тѣломъ, не способнымъ ассимилироваться съ мѣстными этнографическими элементами и окончательно раствориться въ господствующей въ странѣ на-

ціональної средѣ! *). Нигдѣ евреи, какъ субъектъ гражданскихъ и политическихъ правъ, не ставятся наравнѣ съ коренными жителями. Они или лишь терпимы, какъ чужіе, или должны быть эмансипированы, какъ существа по самой природѣ своей неполноправныя. Отношеніе къ евреямъ, какъ къ чужимъ, разнится отъ отношенія къ иностранцамъ по современному международному праву. По существующему нынѣ началу взаимности между государствами иностранецъ, за малыми исключеніями, пользуется всей полнотой гражданскихъ правъ; ограниченія въ области общественныхъ и политическихъ правъ не существенны для иностранца, осуществляющаго эти права въ своемъ отечествѣ. Евреи же продолжаютъ считаться чужими, иностранцами въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово понималось въ древности, когда иностранецъ, пока не находилъ себѣ патрона въ лицѣ кого либо изъ полноправныхъ гражданъ, былъ какъ бы внѣ закона. Точно также евреи для осуществленія простыхъ естественныхъ правъ челоѣка нуждаются въ спеціальной защитѣ закона. Все, что буквой закона не разрѣшено спеціально евреямъ, считается для нихъ воспрещеннымъ. Общаго права для евреевъ, какъ для чужихъ, не существуетъ; они пользуются защитой спеціально о нихъ и для нихъ изданныхъ законовъ. Такое отношеніе къ евреямъ народовъ—хозяевъ страны наблюдается неизмѣнно во весь періодъ разсѣянія.

Дѣйствительно, лишь пока политическая организація въ Зап. Европѣ, начиная съ V в. **), находится въ переходномъ состояніи, присутствіе евреевъ, какъ чужого

*) Л. Пинекеръ, „Autoemancipation. Mahnruf an seine Stammesgenossen von einem russischen Juden“, (1882).

**) Въ самой Римской Имперіи евреи до паденія своего государства первоначально устраиваются на общемъ основаніи. Впослѣдствіи отношенія къ евреямъ императорской власти мѣнялись подъ вліяніемъ разныхъ политическихъ соображеній: съ евреями боролись, какъ съ воюющей стороной, позже, какъ

элемента, не вызывает особой неприязненной реакции. Въ теченіи 5—6-ти вѣковъ, среди наступившаго послѣ наденія Зап. Римской Имперіи и появленія новыхъ варварскихъ народовъ политическаго хаоса, евреи, какъ наиболѣе культурная часть населенія, занимаютъ сравнительно благоприятное положеніе. Они являются торговыми посредниками между Востокомъ и Западомъ, руководителями обширной морской и караванной торговли, занимаются ремеслами и земледѣліемъ (напр., въ сѣв. Испаніи и на югѣ Франціи). Равнымъ образомъ въ рядѣ завоевательныхъ и эфемерныхъ государствъ, основанныхъ арабами, евреи, какъ наиболѣе трудолюбивая и предприимчивая часть населенія, приобрѣтаютъ огромное экономическое значеніе. Едва ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что мирное сожительство арабовъ съ евреями не закончилось бы также, какъ напр., совмѣстное жительство христіанъ съ евреями на югѣ Франціи въ XI в., если бы оно продолжалось до той поры, когда осложнившаяся социальное-экономическая жизнь выдвинула бы различіе между тѣми, кто считалъ себя хозяевами страны и тѣми, кто продолжалъ оставаться пришельцами. Арабы, однако, не вырабатываютъ въ своихъ государствахъ твердой социальное-политической системы; разрозненные элементы не сплачиваются и не преобразуются въ крупный и сильный національно-политическій организмъ, который могъ бы выдержать натискъ молодыхъ христіанскихъ народовъ.

Роковая черта исторической судьбы евреевъ въ періодъ разсѣянія заключается въ томъ, что не смотря на

съ мятежниками (при императорѣ Адрианѣ); затѣмъ еврейскій прозелитизмъ казался опаснымъ государственной языческой религіи (преслѣдованія Домиціана), позже — государственной христіанской религіи, но въ общемъ въ космополитической разноплеменной Римской Имперіи евреи находились на положеніи другихъ покоренныхъ народовъ (Vogelstein u. Rieger, „Gesch. d. Juden in Rom“, I, стр. 1—35).

то, что въ долгіе вѣка своихъ странствій имъ приходилось поселяться въ странахъ, гдѣ мѣстное населеніе было сравнительно рѣдко и гдѣ не было твердаго политическаго порядка, не взирая на это, евреямъ никогда не приходило въ голову попытаться стать хозяевами какого либо уголка, куда ихъ забросила судьба. И вотъ по мѣрѣ того какъ въ Зап. Европѣ, начиная съ X в., упрочивается политическая система, утверждаются новыя феодальныя государства, замыкаются цеховыя корпораціи, возникаютъ торговые городскіе союзы,—евреевъ, какъ внѣшній, чужой элементъ, начинаютъ вытѣснять *) изъ всѣхъ областей производительнаго труда: сначала земледѣльческаго и ремесленнаго, а затѣмъ изъ всѣхъ отраслей торговой дѣятельности, кромѣ ростовщичества, мелочной торговли и торговли старымъ платьемъ. Въ силу каноническаго закона, воспрещавшаго христіанамъ давать деньги въ ростъ, ростовщичество навязывается евреямъ, какъ занятіе обязательное, дававшее еврею право на жителство въ данномъ городѣ. Иногда евреямъ приходилось фиктивно заниматься ростовщичествомъ, чтобы не быть изгнанными изъ страны, гдѣ они жили уже въ теченіи сотенъ лѣтъ.

Гонимые на Западѣ, евреи подвигаются на Востокъ въ страны, гдѣ еще не завершившійся соціально-политическій порядокъ даетъ мѣсто новымъ общественнымъ элементамъ. Наряду съ крестьянствомъ, крупной и мелкой землевладѣльческой шляхтой и духовенствомъ, городскіе торгово-ремесленные классы въ XIII—XV вв. находятся въ Польшѣ и Литвѣ еще въ зачаточ-

*) Въ обычномъ представленіи ухудшеніе положенія евреевъ съ X по XIV в. связывается съ разными внѣшними фактами: съ крестовыми походами, усиленіемъ католицизма, черной смертью; на самомъ дѣлѣ причины, въ силу которыхъ названныя историческія явленія сопровождались преслѣдованіемъ евреевъ, лежатъ, какъ видно здѣсь, гораздо глубже.

номъ состояніи. Казалось, здѣсь евреямъ удастся заполнить цѣлый отсутствующій общественный классъ. Правда, въ силу общихъ политическихъ условій, евреи устраниваются въ Польшѣ и Литвѣ на частномъ правѣ: рядомъ отдѣльныхъ грамотъ и договоровъ съ польско-литовскими феодальными владѣльцами и королями разные группы евреевъ обезпечиваютъ себѣ торговыя права и общинное самоуправленіе. Однако и послѣ 5-ти-вѣковой совмѣстной съ поляками жизни евреямъ не удалось войти въ составъ польско-литовскаго государства въ качествѣ равноправнаго политическаго сословія. Ограждая рядомъ привилегій торгово-промышленную дѣятельность евреевъ, предоставляя имъ организоваться въ видѣ замкнутой самоуправляющейся общины, польско-литовское государство продолжаетъ смотрѣть на евреевъ, какъ на иностранцевъ. Скопленіе евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ имѣло роковое, въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ, вліяніе на историческую судьбу еврейскаго народа. Съ одной стороны, польско-литовскій политическій строй консервировалъ средневѣковое еврейство съ его кагальной организаціей, отрѣзанностью отъ просвѣтительныхъ внѣшнихъ теченій и безграничнымъ господствомъ талмудической системы; съ другой—послѣ преслѣдованій эпохи крестовыхъ походовъ и черной смерти (XI—XIV в.) евреи въ Польшѣ и Литвѣ нашли убѣжище, гдѣ они были избавлены отъ полнаго истребленія. Если еврейскій народъ, просуществовавъ 2½ тысячелѣтія въ твердомъ упованіи на осуществленіе своего національнаго идеала, получилъ, во избѣжаніе смерти, возможность влачить тусклую, сѣрую жизнь—онъ этимъ обязанъ польско-литовскому государству. Однако нигдѣ и никогда умственный уровень жизни еврейскаго народа не падалъ такъ низко, какъ здѣсь въ теченіи XVI, XVII и XVIII вв. Национальная жизнь выражалась въ уродливомъ кагальномъ устройствѣ, въ культивированіи талмудической схоластики и увлеченіи мистикой

то, что въ долгіе вѣка своихъ странствій имъ приходилось поселяться въ странахъ, гдѣ мѣстное населеніе было сравнительно рѣдко и гдѣ не было твердаго политическаго порядка, не взирая на это, евреямъ никогда не приходило въ голову попытаться стать хозяевами какого либо уголка, куда ихъ забросила судьба. И вотъ по мѣрѣ того какъ въ Зап. Европѣ, начиная съ X в., упрочивается политическая система, утверждаются новыя феодальныя государства, замыкаются цеховыя корпораціи, возникаютъ торговые городскіе союзы,—евреевъ, какъ виѣшній, чужой элементъ, начинаютъ вытѣснять *) изъ всѣхъ областей производительнаго труда: сначала земледѣльческаго и ремесленнаго, а затѣмъ изъ всѣхъ отраслей торговой дѣятельности, кромѣ ростовщичества, мелочной торговли и торговли старымъ платьемъ. Въ силу каноническаго закона, воспрещавшаго христіанамъ давать деньги въ ростъ, ростовщичество навязывается евреямъ, какъ занятіе обязательное, дававшее еврею право на жительство въ данномъ городѣ. Иногда евреямъ приходилось фиктивно заниматься ростовщичествомъ, чтобы не быть изгнанными изъ страны, гдѣ они жили уже въ теченіи сотенъ лѣтъ.

Гонимые на Западѣ, евреи подвигаются на Востокъ въ страны, гдѣ еще не завершившійся соціально-политическій порядокъ даетъ мѣсто новымъ общественнымъ элементамъ. Наряду съ крестьянствомъ, крупной и мелкой землевладѣльческой шляхтой и духовенствомъ, городскіе торгово-ремесленные классы въ XIII—XV вв. находятся въ Польшѣ и Литвѣ еще въ зачаточ-

*) Въ обычномъ представленіи ухудшеніе положенія евреевъ съ X по XIV в. связывается съ разными виѣшними фактами: съ крестовыми походами, усиленіемъ католицизма, черной смертью; на самомъ дѣлѣ причины, въ силу которыхъ названныя историческія явленія сопровождались преслѣдованіемъ евреевъ, лежатъ, какъ видно здѣсь, гораздо глубже.

номъ состояніи. Казалось, здѣсь евреямъ удастся заполнить цѣлый отсутствующій общественный классъ. Правда, въ силу общихъ политическихъ условій, евреи устриваются въ Польшѣ и Литвѣ на частномъ правѣ: рядомъ отдѣльныхъ грамотъ и договоровъ съ польско-литовскими феодальными владѣльцами и королями разныхъ группы евреевъ обезпечиваютъ себѣ торговыя права и общинное самоуправленіе. Однако и послѣ 5-ти-вѣковой совмѣстной съ поляками жизни евреямъ не удалось войти въ составъ польско-литовскаго государства въ качествѣ равноправнаго политическаго сословія. Ограждая рядомъ привилегій торгово-промышленную дѣятельность евреевъ, предоставляя имъ организоваться въ видѣ замкнутой самоуправляющейся общины, польско-литовское государство продолжаетъ смотрѣть на евреевъ, какъ на иностранцевъ. Скопленіе евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ имѣло роковое, въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ, вліяніе на историческую судьбу еврейскаго народа. Съ одной стороны, польско-литовскій политическій строй консервировалъ средневѣковое еврейство съ его кагальной организаціей, отрѣзанностью отъ просвѣтительныхъ внѣшнихъ теченій и безграничнымъ господствомъ талмудической системы; съ другой—послѣ преслѣдованій эпохи крестовыхъ походовъ и черной смерти (XI—XIV в.) евреи въ Польшѣ и Литвѣ нашли убѣжище, гдѣ они были избавлены отъ полнаго истребленія. Если еврейскій народъ, просуществовавъ 2¹/₂ тысячелѣтій въ твердомъ упованіи на осуществленіе своего національнаго идеала, получилъ, во избѣжаніе смерти, возможность влачить тусклую, сѣрую жизнь—онъ этимъ обязанъ польско-литовскому государству. Однако нигдѣ и никогда умственный уровень жизни еврейскаго народа не падалъ такъ низко, какъ здѣсь въ теченіи XVI, XVII и XVIII вв. Національная жизнь выражалась въ уродливомъ кагальномъ устройствѣ, въ культивированіи талмудической схоластики и увлеченіи мистикой

XI.

Въ концѣ XVIII в. новыя свободныя вѣянія въ умственной и политической жизни Зап. Европы сгущаются въ грозный натискъ пробившагося на просторъ критическаго ума. На Гревской площади Парижа, среди потоковъ крови, провозглашаются начала свободы, равенства и братства всѣхъ людей. Въ медовомъ мѣсяцѣ, который празднуетъ богиня свободы, не забыть и несчастный, отверженный всѣми, народъ. Великая, въ то время, французская нація даруетъ гражданскія права евреямъ своей страны. Мало того, находится и гениальный полководецъ, берущій, будто, на себя задачу навязать всей Европѣ великія начала революціи. Всюду, гдѣ является побѣдоносное французское войско, евреи превращаются въ полноправныхъ гражданъ. Между прочимъ, великій корсиканецъ, невѣжество котораго равнялось его гениальности, жестоко посмѣялся надъ еврейскимъ народомъ. Предъ осадой С. Жанъ д'Арка въ Палестинѣ, Наполеонъ по своему обыкновенію обратился съ прокламаціей къ палестинскимъ евреямъ, въ которой онъ приглашаетъ ихъ возстать за освобожденіе своей родины и обѣщаетъ имъ возстановить еврейское государство *). Тому, кто впоследствии раздавалъ въ Европѣ короны, быть можетъ, грешилъ въ Палестинѣ потомки Маккавеевъ. Призывъ Наполеона къ горсти нищихъ евреевъ, жившихъ въ то время въ Палестинѣ, прозвучалъ, какъ гласъ исторической Немезиды, какъ отомщеніе за многовѣковую работу вояждей народа, убивавшихъ въ немъ здоровья политическія стремленія и направлявшихъ въ Палестину лишь жалкихъ пенсионеровъ халуки.

Мало по малу въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX в. просвѣтительное движеніе проникаетъ и въ мрачное еврейское гетто; нарождаются новыя теченія и въ еврей-

*) Graetz, т. XI, стр. 236.

тѣмъ, вѣдь, выясненіе происхожденія болѣзни—этіологія болѣзни—чрезвычайно важна для правильной постановки діагноза и метода леченія. Палестино-мессіанскія стремленія представляются г. Кулишеру лишь въ видѣ „мистическихъ бредней“, которыя сами не могутъ быть причиною движеній, а являются лишь послѣдствіемъ, но чего именно—авторъ не выясняетъ. Дѣло, однако, объясняется гораздо проще. Я думаю, что, называя тоску по Палестинѣ „мистическими бреднями“, г. Кулишеръ принялъ форму движенія за его сущность. Дѣйствительно, въ теченіи многихъ вѣковъ тоска по Палестинѣ, благодаря пониженію умственнаго уровня народа мертвящею схоластикою талмудизма, выражалась въ мистическихъ формахъ. Непрерывный рядъ лжемессіанскихъ движеній, чѣмъ далѣе принимавшихъ все болѣе фантастически-мистическій характеръ, свидѣлствуетъ, съ одной стороны, о живучести палестинской идеи, а съ другой— о помраченіи въ народѣ здраваго историческаго смысла, объ отсутствіи пониманія хода историческихъ событій и средствъ къ достиженію соціально-политическихъ задачъ. Нужно проникнуть въ мрачныя тайники народной души, подавленной своимъ позорнымъ существованіемъ и доведенной до крайнихъ предѣловъ отчаянія, чтобы понять дикое мессіанское изступленіе саббатіанцевъ въ XVII в. и нравственныя извращенія франкистовъ въ XVIII в. Мы знаемъ, что голодные доходятъ до бреда и галлюцинацій. Еврейскій народъ вѣковымъ голодомъ, жаждою національнаго существованія доведенъ былъ до тяжкой психической болѣзни, которую наши историки, не давъ себѣ труда выяснить ея внутренней причины, сурово осудили. Мало того, какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, просвѣщенные врачи признали еврейскій народъ въ этомъ отношеніи неизлечимымъ маниакомъ, а само стремленіе въ Палестину не здоровою реальною потребностью, а „мистическими бреднями“.

приведшему къ созданію новой нѣмецкой „науки о еврействѣ“. Въ этой наукѣ евреямъ пришлось отчасти идти по слѣдамъ протестантскихъ богослововъ. Оказалось, что въ области библейской экзегетики и изслѣдованія библейскаго періода исторіи нѣмцы опередили евреевъ. Труды нѣмецкихъ богослововъ и историковъ оказали огромное вліяніе на историческое мышленіе еврейскихъ изслѣдователей. Въ этой нѣмецкой «наукѣ о еврействѣ», во 1-хъ, главный интересъ сосредоточивается на юдаизмѣ, какъ религіозной системѣ, евреи же, какъ народъ, занимаютъ здѣсь второстепенное мѣсто, и, во 2-хъ, преобладаетъ антикварно-археологическое направленіе; наука еврейства уподобляется египтологіи, ассиріологіи, т. е. исторіи мертваго народа. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать огромныхъ заслугъ за выдающимися представителями этого научнаго теченія (Цунцъ, Гейгеръ, З. Френкель и др.), положившими фундаментъ историко-критическаго изученія еврейскихъ литературныхъ памятниковъ.

Въ отношеніи живыхъ евреевъ періода разсвѣнія въ это время формулируется также, какъ отголосокъ богословской тенденціи, теорія объ особой духовной миссіи еврейскаго народа *). По убѣжденію адептовъ этой теоріи евреи въ періодъ разсвѣнія являются вездѣ носителями возвышенныхъ этическихъ началъ юдаизма и проводниками элементовъ культуры и соціального прогресса вообще, и въ этомъ заключается ихъ историческая миссія. Въ блестящей формѣ схема философіи еврейской исторіи въ духѣ доктрины объ особой миссіи еврейскаго народа представлена въ сжатомъ очеркѣ Джемса Дарм-

*) Христіанскіе историки, признавая также духовную миссію еврейскаго народа, утверждаютъ, что она закончилась въ старозавѣтномъ періодѣ, который и былъ подготовительной ступенью для новозавѣтной исторіи (см. Renan „Histoire du peuple d'Israel" (1893).

чтобъ вообразить себя въ положеніи этой неумирающей агоніи, а еврей родится въ ней и для нея. Стигматизированный, онъ является на свѣтъ, стигматизированный, агонизируетъ въ жизни и стигматизированный же умираетъ. Или, лучше сказать, не умираетъ, а видитъ себя и по смерти безсрочно стигматизированнымъ въ лицѣ своихъ дѣтей и присныхъ. Нѣтъ выхода изъ кипящей смолы, нѣтъ иныхъ перспективъ, кромѣ зубоваго скрежета. Что бы еврей ни предпринялъ, онъ всегда остается стигматизированнымъ. Дѣлается онъ христіаниномъ—онъ выкрестъ; остается при іудействѣ—онъ лѣсъ смердящій. Можно ли представить себѣ мучительство болѣе безумное и безсовѣстное?“ *).

Потрясающій трагизмъ этой страшной, достойной кисти Данте, картины знаменитаго сатирика станетъ еще безпредѣльнѣй, если мы вспомнимъ, что состояніе неумирающей агоніи характеризуетъ не только внѣшнее положеніе еврейскаго народа, но и внутренній міръ народной души, міръ его вѣрованій и надеждъ, о которыхъ нашъ сатирикъ не могъ знать. Не представляя себѣ Салтыковъ и того, что должны испытывать тѣ слои еврейскаго народа, которые, не смотря на глухую стѣну, отдѣляющую ихъ отъ европейскихъ народовъ, всѣмъ сердцемъ и душою привязывались къ странамъ своихъ поселеній, на которыя они не могли не смотрѣть, какъ на свою естественную родину. Вѣдь рядомъ съ національнымъ чувствомъ въ еврей не переставало биться сердце общечеловѣка! Неужели напрасно, или преждевременно, евреи, убивая въ себѣ національныя чувства, искали защиты въ „забытыхъ словахъ“—въ справедливости и братствѣ всѣхъ людей!

Много труда положено на выясненіе причинъ вражды къ евреямъ всѣхъ другихъ народовъ. „Много умовъ билось въ мукахъ“ надъ разрѣшеніемъ „проклятаго“ еврей-

*) Салтыковъ, „Недоконченныя бесѣды“, 1885, стр. 126.

скаго вопроса. Были указаны сотни причинъ этой ненависти къ вѣчному народу. Въ объясненіе мотивовъ вражды входили элементы религиозные, юридическіе, національные, экономическіе, расовые и т. д., и т. д. Не было однако обращено вниманія на одну черту въ каждой изъ этихъ причинъ: является-ли каждая изъ указанныхъ категорій по отношенію къ евреямъ простымъ мотивомъ человеческой вражды, или квалифицированнымъ, т. е. включающимъ въ себѣ еще особый плюсъ, имѣющей мѣсто только въ отношеніи къ евреямъ. Мы знаемъ, что вражда существовала между всѣми народами, и что и теперь національную неприязнь надо признать безспорнымъ психологическимъ фактомъ. И во время существованія еврейскаго государства другіе народы относились къ евреямъ враждебно, но ту ли же *простую* національную вражду мы наблюдаемъ и въ теченіи всего періода расцвѣтія, т. е. такую ли же національную неприязнь, какую, напр., французы питаютъ къ англичанамъ и т. п.? То же самое и въ области религиозной. Развѣ религиозная вражда къ евреямъ тождественна съ враждою, напр., къ мусульманству и буддизму? Далѣе, одно время предполагали, что вражда къ евреямъ является продуктомъ ихъ юридическаго положенія, ихъ неравноправія, но не стало ли въ наше время очевиднымъ, что устраненіе правовыхъ ограниченій вовсе не ослабляетъ этой вражды? Чутьмъ особенно серьезное значеніе приписывали экономическимъ причинамъ. Въ средніе вѣка евреямъ не было мѣста среди замкнутыхъ корпорацій феодальнаго и цеховаго строя. Почемули цехи и феодальнымъ; перераспределеніе экономическихъ классовъ и группъ намѣнялось нѣсколько разъ за послѣдніе вѣка, а евреи все еще не могутъ занять законнаго мѣста среди европейскихъ общественныхъ классовъ. Но почему? Не ясно ли, что экономическія отношенія являются не причиной, а послѣдствіемъ вражды? Евреи — нежелательные конкуренты въ экономической жизни только потому,

что они евреи. Отъ нихъ, гдѣ можно, извлекаютъ пользу, но и тогда они ненавистны. Ни въ какой связи съ тѣмъ или инымъ строемъ экономической жизни—цехово-феодалнымъ, земледѣльческимъ, меркантильнымъ, индустриальнымъ, капиталистическимъ и т. д., ни въ какой связи съ ними вражда къ евреямъ не находится. Экономическія отношенія мѣнялись непрерывно, а вражда къ евреямъ оставалась неизмѣнною. Наконецъ шаткость всѣхъ этихъ причинъ вызвала къ жизни новый и послѣдній аргументъ, это—расовая антипатія, атаквистическая вражда арійца къ семиту. Опровергать этотъ аргументъ нѣтъ собственно никакой надобности: дѣленіе народовъ на арійцевъ и семитовъ—не болѣе, какъ филологическая гипотеза; никогда арійцевъ и семитовъ, какъ 2-хъ особыхъ народностей, не существовало, да къ тому не одни евреи принадлежатъ по языку къ семитической вѣтви. Въ отношеніи арабовъ нѣтъ антисемитизма. Если всѣ эти причины, однако, не даютъ достаточнаго объясненія вражды народовъ къ евреямъ, если во всѣхъ причинахъ, вмѣстѣ взятыхъ, и въ каждой въ отдѣльности скрывается еще *особый специфическій элементъ*, то въ чемъ же онъ заключается?

Въ самомъ дѣлѣ, вся совокупность сложныхъ взаимныхъ отношеній евреевъ и народовъ, среди которыхъ евреи живутъ въ теченіи тысячелѣтій, можетъ быть формулирована однимъ краткимъ положеніемъ: всегда и вездѣ евреи *чужіе*, пришельцы, нежеланные гости, хотя бы время поселенія ихъ въ странѣ скрывалось въ глубокой древности. И самъ еврейскій народъ въ теченіи среднихъ вѣковъ не могъ не чувствовать себя *чужимъ* въ странахъ своего изгнанія, въ голусѣ. Въ томъ-то и весь безпредѣльный трагизмъ положенія еврейскаго народа, что онъ не переставалъ быть и считается чужимъ, инороднымъ тѣломъ, не способнымъ ассимилироваться съ мѣстными этнографическими элементами и окончательно раствориться въ господствующей въ странѣ на-

слоевъ еврейскаго народа весьма, однако, слабо отразилось на жизнь массы, которая, продолжая коснѣть въ невѣжествѣ и нищетѣ, могла лишь въ очень незначительной степени воспользоваться благами дарованной эмансипаціи; наоборотъ, пропасть между массой и высшими слоями еврейскаго народа становилось все глубже. Для того, чтобы предоставленная евреямъ на Западѣ юридическая свобода занятій, мѣстожителства и передвиженій могли замѣтно повліять на повышеніе благосостоянія народа въ цѣломъ, нужно было, чтобы въ теченіи многихъ десятилѣтій евреи фактически могли развивать свою хозяйственную дѣятельность въ одинаковыхъ условіяхъ со всѣми другими гражданами, одинаково со всѣми подчиняясь законамъ экономической конкуренціи. Вскорѣ, однако, оказалось, что конституціонныя хартіи, которымъ не соответствуетъ фактическое соотношеніе силъ общественныхъ классовъ, превращаются въ мертвую букву. По мѣрѣ того какъ ассимилиаціонное теченіе расширялось и цѣлые новые слои еврейскаго народа вступали въ ряды европейскаго общества, стало нарастать движеніе, направленное на этотъ разъ противъ евреевъ, не какъ представителей извѣстнаго исповѣданія, а какъ членовъ особой національности или расы! Старая вражда къ евреямъ приняла новую оболочку, соответствовавшую духу времени и стала проявляться не въ сферѣ полицейской, а въ экономической и общественной жизни. И полноправный *de jure* еврей почувствовалъ на себѣ гнетъ этой вражды, унижавшей его нравственно и тѣснившей его, гдѣ было возможно, матеріально.

Тѣ же основныя теченія, что въ Западной Европѣ, мы встрѣчаемъ и въ русскомъ еврействѣ *) съ той лишь

*) Ради полноты здѣсь можно еще указать на единичныя попытки религіозныхъ реформъ въ 1880-хъ гг., приведшія къ основанію двухъ эфемерныхъ сектъ („Братья-библейцы“ и „Новозавѣтный Израиль“) и не коснувшіяся народныхъ массъ.

разницей, что здѣсь эти теченія, являясь отраженіемъ западно-европейскихъ, во 1-хъ, опаздываютъ на два-три дѣсятилѣтія и, во 2-хъ, приспособляются къ условіямъ русской жизни.

Новому—последнихъ 18 лѣтъ — національному теченію въ еврейскомъ народѣ, возникшему почти одновременно и на Западѣ и у насъ и объединившему западно-европейское и русское еврейство, предшествовало литературное движеніе, въ извѣстной степени проникнутое націоналистической тенденціей. Возбужденіе интереса къ еврейскому языку и письменности, вызванное дѣятельностью представителей Мендельсоновской школы, не прошло безслѣдно. Раньше всего, именно, въ кругахъ, культивировавшихъ возродившуюся еврейскую письменность, стало просыпаться національное сознаніе, подсказывавшее, что еврей—не одно лишь религиозное общество, а *нація*, но нація особенная, *духовная нація*, лишенная всѣхъ атрибутовъ естественныхъ націй и «замѣняющая эти атрибуты одними духовными силами». Еврейскому народу рекомендуется сохранить свою національную индивидуальность исключительно въ духовно-религиозной сферѣ, въ томъ предположеніи, что еврейскій народъ достигъ уже высшей ступени культурнаго развитія, на которой онъ болѣе не нуждается, подобно другимъ народамъ, въ политическихъ средствахъ защиты своей самобытности. Возрѣніе это является безсознательнымъ рабскимъ отголоскомъ богословской тенденціи въ исторической еврейской наукѣ. Теорія духовной націи *) заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, логическій *non sens*. Понятіе о націи—нѣчто вполне конкретное и опредѣленное въ своихъ признакахъ. Присоединяя

*) Въ последнее время теорію „духовно-исторической націи“ развивалъ въ своихъ „Письмахъ о старомъ и новомъ еврействѣ“ г. Дубновъ (Восходъ 1897—99 гг.). Его пространная аргументація не устраняетъ коренного дефекта этой теоріи, ея внутреннего противорѣчія.

къ конкретному понятію „нація“ эпитетъ „духовная“—ми или лишаемъ это понятіе всякаго реального содержанія, или придаемъ ему то же значеніе, что и опредѣленію; римляне—военная нація, древніе греки—нація ваятелей и философовъ, т. е. указываемъ на одну выпуклую черту народа, но не исчерпываемъ этимъ эпитетомъ всѣхъ сторонъ народнаго духа. Опредѣленное и чистое понятіе „религіозное общество“ или „вѣроисповѣданная группа“ маскируется туманнымъ и противорѣчивымъ терминомъ „духовная нація“, главнымъ образомъ, потому, что первый терминъ въ настоящее время не пользуется популярностью среди евреевъ. Еврей—или *впроисловданная группа*, или *нація*, средняго бытъ не можетъ. Если еврей—нація, то они имѣютъ всѣ права другихъ націй и прежде всего право имѣть свое отечество, свою національную территорію. Король въ изгнаніи—все же король! Народъ въ изгнаніи остается народомъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ живетъ его національная воля. *Живучесть еврейскаго національнаго сознанія доказывается непрерывной эволюціей его формы: то оно скрывается въ душѣ народа, какъ потенциальная энергія, въ мессіанскихъ вѣрованіяхъ, то прорывается въ видѣ массовыхъ движеній въ Палестину, и, наконецъ, въ послѣдніи 18 лѣтъ проявляется въ сознательномъ, просвѣтленномъ наукой XIX вѣка, политическомъ сіонистскомъ теченіи.*

XII.

Новое теченіе стремится влить старое неумирающее еврейское национальное чувство въ новые мѣхы, найти реальныя средства къ осуществленію двухтысячелѣтней мечты еврейскаго народа. Установившійся въ XIX вѣкѣ въ Европѣ социально-политическій порядокъ опирается на окрестившіяся крупныя національныя организмы. Национальная среда признается *conditio sine qua non* для свободнаго развитія чловѣческой личности. Мечты идеалитонъ XVIII вѣка о братствѣ всѣхъ народовъ

осуществились лишь въ видѣ вооруженнаго союза отстаивающихъ свои матеріальные и духовные интересы культурныхъ народовъ. Тамъ, гдѣ отдѣльнымъ національностямъ не удалось размежеваться, происходятъ непрерывныя столкновенія. Новое національное теченіе въ еврейскомъ народѣ, исходя изъ нѣдръ вѣрной своему національному прошлому народной души, является въ тоже время отраженіемъ общаго націоналистическаго теченія всемірной исторіи за послѣдній вѣкъ.

Сіонистское теченіе пока намѣтило лишь общіе пути къ достиженію національнаго возрожденія еврейскаго народа въ Палестинѣ, но не выработало еще никакихъ организованныхъ практическихъ средствъ. *) Согласно программѣ дѣятельности сіонистовъ эти общіе пути представляются въ подъемѣ умственнаго уровня народа, въ воспитаніи въ народѣ способности къ общественной самопомощи, въ объединеніи прогрессивныхъ слоевъ еврейскаго народа и темной массы посредствомъ организованныхъ культурныхъ союзовъ и кружковъ, въ созданіи народнаго представительства въ лицѣ еврейскаго національнаго конгресса и, наконецъ, въ приобрѣтеніи въ пользу идей сіонизма европейскаго общественнаго мнѣнія. Сообразно съ отдѣльными задачами новаго національнаго движенія, въ лагерь сіонистовъ произошла уже дифференціація отѣнковъ теченія. На первый планъ то выдвигается перовоспитаніе народа (культурные сіонисты), то достиженіе дипломатическимъ путемъ правоохраненнаго убѣжища для нѣкоторой части еврейскаго народа въ Палестинѣ (политическіе сіонисты), то общей подготовительной мѣрой признается прежде всего колонизація Палестины (практическіе палестинофилы).

Новое еврейское національное теченіе встрѣчаетъ противодѣйствіе въ двухъ сферахъ еврейскаго общества:

*) Всѣ попытки въ практическомъ направленіи, включая и основаніе еврейскаго колониальнаго банка, представляютъ собою лишь пробныя приемы организаціи.

1) въ представителяхъ вышеуказаннаго вѣроисповѣдно-ассимиляціоннаго направленія и 2) въ главаряхъ ортодоксіи и мракобѣсія. На почвѣ противодѣйствія новому національному движенію представители свободомыслія и фанатизма подаютъ другъ другу руку. Въ настоящемъ очеркѣ, задача котораго—обрисовать въ общихъ чертахъ основныя теченія въ исторіи евреевъ, я не могу дать мѣста подробной аргументаціи положеній спорящихъ сторонъ, а потому я приведу лишь вкратцѣ тезисы представителей указанныхъ трехъ направленій.

Главные доводы представителей вѣроисповѣдно-ассимиляціоннаго направленія: 1) сіонизмъ не нуженъ, такъ какъ тяготѣніе къ Палестинѣ „мистическій бредъ“; 2) сіонистская задача неосуществима; 3) сіонизмъ вреденъ, такъ какъ съ одной стороны онъ отвлекаетъ матеріальныя и интеллектуальныя силы еврейскаго народа на бесплодную, неосуществимую работу, а съ другой—мѣшаетъ сліянію евреевъ съ окружающими народами и полной эмансипаціи евреевъ, и 4) націонализмъ, вообще, представляетъ собою скоропреходящій фазисъ всемірно-историческаго процесса. Представители ортодоксальнаго направленія опасаются реформаторской тенденціи сіонизма и предпочитаютъ, въ ожиданіи чуда, держать народъ во мракѣ невѣжества и суевѣрія. Нельзя однако не отмѣтить, что тезисъ о полномъ квіетизмѣ въ дѣлѣ народнаго возрожденія въ послѣднее время пошатнулся и въ ортодоксальной средѣ. Цѣлый рядъ авторитетныхъ представителей раввинизма, допуская въ известной степени народную самопомощь въ дѣлѣ возрожденія, примкнулъ къ новому движенію. Вышеперечисленнымъ тезисамъ ассимиляціоннаго направленія представители новаго національнаго теченія противопоставляютъ слѣдующія положенія: 1) національно-политическая идея въ формѣ тяготѣнія народа къ Палестинѣ была основнымъ устоемъ еврейской народной жизни въ періодъ расцвѣтія; 2) огромныя затрудненія, съ

связано осуществление сionистской задачи, не дают еще права предсказывать ее недостижимость; 3) юридическая эмансипация евреевъ есть вопросъ элементарнаго общественно-правового и нравственнаго сознания и ни въ какой связи съ сionизмомъ не находится. Сionистское движеніе никогда не задавалось и не могло задаваться цѣлью собрать въ Палестину 10 милліоновъ евреевъ; оно стремится лишь дать исходъ потребности известной части еврейскаго народа въ національной самобытной средѣ, въ особой территоріи для свободнаго развитія народной жизни, и вернуть уваженіе къ еврейскому народу, какъ къ равноправному члену семьи народовъ. Положеніе многомилліонной массы еврейскаго народа въ странахъ разсѣянія, гдѣ она наравнѣ со всѣми несетъ всѣ тяготы государственныхъ и общественныхъ повинностей, должно несомнѣнно выиграть оттого, что политическое достоинство народа будетъ восстановлено, и 4) созданіе для еврейскаго народа національнаго базиса въ Палестинѣ является необходимымъ предварительнымъ фазисомъ историческаго процесса, еще далекаго отъ осуществленія идеаловъ братства всѣхъ людей внѣ національныхъ рамокъ.

Наблюдаемое въ еврейскомъ народѣ стремленіе къ денационализаціи и слянію съ другими народами имѣетъ свое историческое оправданіе, но оно не исчерпываетъ жизни еврейскаго народа во всей ее полнотѣ. Утративъ свою территорію и политическую самобытность, еврейскій народъ не покинулъ, подобно многимъ древнимъ народамъ, исторической арены, не растворился въ общечеловѣческомъ морѣ, а продолжалъ жить, сохраняя въ теченіи 18 вѣковъ свои національныя особенности и культуру. Разсѣянные по всѣмъ странамъ міра, лишеныя всѣхъ элементовъ національно-политическаго существованія, евреи, однако, не обезличились ни до состоянія „вѣроисповѣдной группы“, ни до состоянія трансценденціи. Национальная индивидуаль-

ность еврея далеко не характеризуется одними признаками религиознаго культа; нѣтъ, въ ней сохранилась вся полнота психологическихъ и социологическихъ элементовъ, изъ которыхъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ можетъ быть составленъ нормальный государственный организмъ. Гений еврейскаго народа проявилъ себя во всѣхъ областяхъ матеріальной и умственной дѣятельности, и въ наши дни старикъ-народъ также крѣпко стоитъ на своихъ ногахъ въ полномъ обладаніи своихъ духовныхъ силъ и трудовыхъ способностей, какъ во дни своей юности. Недостаетъ лишь концентраціи народныхъ силъ, чтобы создать самобытную среду для народно-хозяйственной дѣятельности. Въ такой среды, неспособная къ ассимилированію, выпуклая національная индивидуальность еврея еще долго будетъ встрѣчать отпоръ со стороны другихъ не менѣе рѣзко очерченныхъ національныхъ организмовъ.

Сохраненіе національной личности евреевъ на протяжении 18 вѣковъ среди грозившихъ ее захлестнуть и поглотить міровыхъ волнъ представляетъ величайшую загадку всемірной исторіи. Еще болѣе великой загадкой будущихъ вѣковъ является осуществленіе національно-политическихъ надеждъ и идеаловъ еврейскаго народа. Но независимо отъ всѣхъ многосложныхъ обстоятельствъ и совокупности шансовъ, коими обуславливается возможность достиженія цѣли двухтысячелѣтнихъ народныхъ стремленій, самый подъемъ въ еврейскомъ народѣ національнаго чувства, сознание достоинства своей національной личности, сознание своихъ правъ на одинаковое съ другими народами не только гражданское, но и политическое существованіе,—открываютъ широкій просторъ культурной работѣ, которая на этотъ разъ коснется не однихъ высшихъ слоевъ, а проникнетъ и въ еврейскую народную массу.

DS 115.5 M35 1900
Osnovnye techenila v istorii e

C.1

Stanford University Libraries

3 6105 041 272 233

DATE DUE

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

